

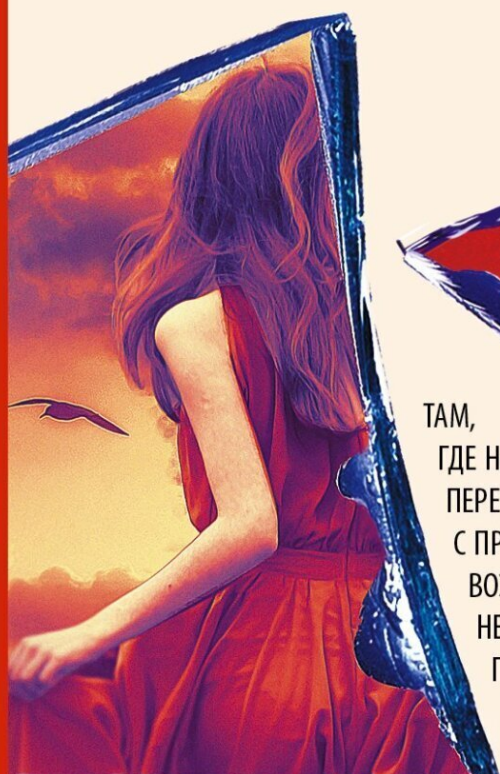
ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

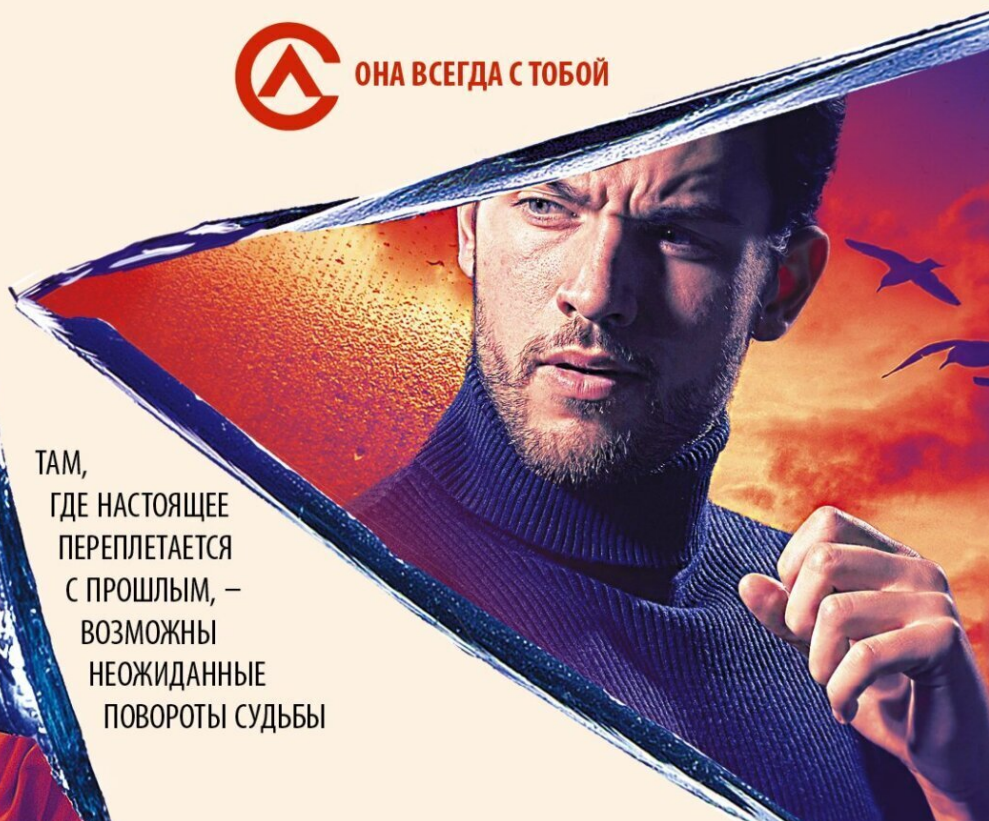
ОТРАВЛЕННАЯ КРОВЬ

ОНА ВСЕГДА С ТОБОЙ

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, –
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Она всегда с тобой. Детективы Ларисы Соболевой

Лариса Соболева
Отравленная кровь

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л. П.

Отравленная кровь / Л. П. Соболева — «Издательство АСТ»,
2023 — (Она всегда с тобой. Детективы Ларисы Соболевой)

ISBN 978-5-17-152391-6

Молодая, красивая женщина жестоко убита в своем загородном доме. Как в дом проник убийца – загадка. Впрочем, странностей достаточно. Расследованием занимается группа Павла Терехова. Снова попало непростое дело, но они не идут примитивным путем, задерживая первых подозреваемых – детей мужа убитой. И у следователей есть на то причина. Нет, Павел копает глубже, выясняя, кто же на самом деле убитая Майя.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152391-6

© Соболева Л. П., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лариса Павловна Соболева

Отравленная кровь

© Соболева Л., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть первая

Последняя минута

Запотевшая бутылочка шампанского, длинный бокальчик из тончайшего стекла, дольки апельсина в небольшой вазочке, поломанная плитка шоколада на блюде – готово. Майя подхватила поднос и... бутылка пошатнулась, едва не упав! Удержалась, к счастью. Майя поставила поднос на стол и положила шампанское набок, теперь можно отправиться из кухни в гостиную, потом на второй уровень, но по лестнице удалось сделать всего пару шагов...

– Ай, черт! – вскрикнула она, неуклюже наступив на край подола кружевного халатика цвета пенки вишневого варенья.

Пеньюар – так называла свободный до пят халат одна старуха из породы артефактов. Она уверяла, будто ей девяносто, но безбожно врала, бабке сто пятьдесят, не меньше. Прозрачное одеяние предназначено восхищать и соблазнять конченных маразматиков, выживших из ума идиотов, считающих себя бесподобными самцами. Однако слово «пеньюар» вязло на языке, халат он и в Африке халат, да и звучит привычно, непритязательно, ведь Майя из простой среды. Да, она простушка. Была когда-то!

Ходить по ступенькам вверх в длинном балахоне неудобно: одной рукой держать поднос, другой приподнимать подол. Данное занятие для горничных, а Майя нынче далека от плебейства, она воспитала себя аристократкой. Видя свои усилия как бы со стороны, честно оценила их:

– Каракатица. Ха-ха-ха...

Но только Майя имеет право так сказать, к себе следует относиться максимально критически, не занижая самооценку и не зарастая комплексами, иначе успехов не видать. Да уж, пусть попробует отозваться о ней в негативном ключе кто-нибудь другой... пожалееет. Кстати, каракатицей Майя бывает лишь наедине с собой, посторонние знают ее другой – изящной, легкой, грациозной.

Поднос она поставила на пол у лестницы, распахнула пеньюар, а под ним – ничего, одно тело, собственно, ей не перед кем корчить из себя святошу, в доме Майя одна. Теперь можно подняться, не боясь свернуть шею.

Напевая, она вплыла в уютную ванную комнату в стиле классика: золото и белизна, а пол выложен бежевым кафелем. Ой, как же Майка любит все эти финтифлюшки-завитушки, беленькие полотенца с вышитыми золотой нитью гербами, вазочки и стаканчики, выдержанные в стиле... в стиле...

– Рококо! Или барокко? Не помню. Ну и фиг с ним.

Здесь миленькая и небольшая ванна на золотых ножках, рядом столик с вензелями, кругом зеркала... зеркала... Любуйся собой со всех сторон, что Майя и делала каждое утро после сна, раздеваясь донага.

– До чего же я себе нравлюсь! – коронная фраза по утрам и вечерам, когда Майя смотрится в зеркала.

Надо признать без ложной скромности, любоваться есть чем: холеная кожа, туго набитые формы, пропорции – все идеально, все в ней радует глаз, ее собственный тоже. А что тут такого? Любить себя на всех психологических семинарах учат, Майя прекрасно освоила данную технику.

Внизу тоже есть ванная комната в стиле модерн с большущим корытом, в котором невозможно расслабиться, потому что ерзаешь вперед-назад, никакого кайфа. Майя обожает маленькую ванну на ножках в виде лап льва... или тигра... короче, хищного зверя. Она погрузилась в теплую воду, откупорила бутылку – это же плевое дело, когда-то работала официант-

кой. Virtuозно носить на подносах бутылки так и не научилась, зато открывала за иной вечер штук по тридцать, еще и щедрые чаевые получала за трюки с пробками. Наконец Майя налила в бокал шампанского, хлынувшего через верх бокала прямо в воду.

– Я принимаю ванну с шампанским! Ха-ха-ха... Ну-с, за меня красивую и умную! – Выпила половину, закусила шоколадом и сморщилась. – Шампанское с шоколадом не катит, никогда не нравилось это сочетание, лучше апельсинка.

Кинув в рот крупную дольку апельсина, жуя, она сунула в уши наушники, прикрыла веки и в упоении подпевала страстному латиноамериканскому певцу. О, как прекрасна жизнь, черт возьми! К тридцати годам Майя имеет все из того, чего жаждут ненасытные человеческие души и тела, правда, нет детей, но это не тот пункт, над которым стоило бы обливаться слезами. У нее всегда были другие задачи – дерзкие, емкие, заоблачные, неосуществимые для посредственностей, коих переизбыток на грешной земле. Люди не умеют строить свою жизнь, а она блистательно справилась с этой нелегкой задачей.

Ну, еще пару глотков! По правде говоря, бокальчиком не обойдется, спокойно приговорит бутылочку за сегодняшний вечер, так ведь душа рвется праздновать, радоваться от счастья. К тому же сегодня день ее рождения – второе мая, в эту ночь она никогда не оставалась одна, но постоянный праздник тоже утомляет, а у нее победа за победой, настал миг передышки. Хочется немножко покоя, на какое-то время отойти от суеты и напряжения. Майя повернулась к столику, одновременно протягивая руку к бокалу, открыла глаза и... вздрогнула, а крик ужаса застрял в горле, которое перехватила удушливая петля.

Всего в метре от ванны стояло дряхлое, костлявое чудище с седыми космами, достающими до впалой груди, с малюсенькими глазками, спрятанными в мелких и глубоких морщинах, с едва заметной полоской рта и выступающим вперед острым подбородком. Канделябр на столике с пятью искусственными свечами локально высветил рожицу старой ведьмы, а сзади подсвечивала тусклая лампа над входом, из-за необычного освещения старуха в застиранном балахоне до пят выглядела загробной жительницей, вылезшей из самой преисподней, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Она жадно смотрела на молодую обнаженную женщину, а взгляд... людоедки, которая хочет сожрать прекрасную купальщицу.

– Господи-и-и... – шепотом, практически неслышно, выдавила Майя, держась за края ванны, и с облегчением выдохнула: – Как же ты меня напугала...

Постояв немного, ничего не сказав, старуха медленно развернулась и поплелась к выходу, легонько переваливаясь с ноги на ногу, словно пьяненькая. Глядя ей вслед и запивая испуг шампанским, прекрасная купальщица видела ее босые ступни, неслышно ступающие по кафельному полу. Когда же старая карга вышла из ванной, Майя, еще не в силах оторвать взгляда от дверного проема, с досадой выговорила:

– Так можно загнуться с перепугу. Совсем про тебя забыла, старая рухлядь, не слышала, как ты вошла. В этом доме надо закрываться на все задвижки, не удивлюсь, если и призраки появятся, здесь сама атмосфера... загробная. Продам к чертовой матери этот замок, с каргой в нагрузку продам.

Майя налила шампанского, залпом выпила и снова по шею погрузилась под воду, выставив над поверхностью коленки. В ушах звучала музыка, но уже не хотелось слушать латинос-мачос, наушники полетели на столик. Следовало бы подлить горячей водички, чтобы понежиться подольше, да настроение испорчено старой ведьмой, шастающей иногда по ночам, как привидение.

Она резко встала во весь рост, перешагнула через край ванны и, оставляя мокрые следы, подошла к шкафу, машинально взяла с полки банное полотенце, а не халат, завернулась в него. Высушив феном волосы, пришла в спальню, не забыв прихватить бутылку с бокалом, а в закуске она не нуждалась – антураж из апельсина и шоколада хорош к шампанскому, когда внутри блаженство, мир.

– Вот маразматичка чертова! – наливая в бокал шипучий напиток, ворчала Майя. – Притащилась, когда было так хорошо. Она как дурной знак.

Всякий сбой, пусть незначительный, приводит к дисбалансу всех органов чувств Майи, даже вкус теряется, наверно, это болезнь. Лечение есть: нужно тупо расслабиться, уснуть, завтра сегодняшнее состояние покажется глупостью, на которую не стоило обращать внимания, но это будет только завтра, а сегодня...

Майя выпила бокал до дна, выскользнула из полотенца, упавшего к ее ногам, и бухнулась плашмя поперек кровати, хотя без разницы, как лежать – вдоль или поперек, ширина равна длине. Машинально протянула руку за подушкой, потом уткнулась в нее лицом, чувствуя, как тело расслабляется, голова туманится, мысли ускользают. Вторая рука сжимала ножку бокала в кулаке... Еще пару глотков и – завтра наступит сразу, как только закроются глаза, то есть ночь промчится незаметно.

Майя перевернулась на спину, приподнялась на локтях и... застыла, глядя прямо на противоположную стену, одновременно ощущая, как истерично, до колющих болей, затрепыхалось сердце.

Показалось или нет? Будто шевельнулось там... рядом со шкафом... шевельнулось и притаилось нечто неопределенное, какой-то большой сгусток...

– Что за черт? – почти беззвучно произнесла она, напрягая зрение.

Источник света в спальне от фонаря во дворе, но этот свет рассеянный и далековато от окна, он как бы маревом вторгается в спальню, толку от него мало. И второй – практически бесполезный, это крошечная лампа на прикроватной тумбочке, выполняющая функцию ночника. Она слишком тусклая, чтобы рассмотреть на достаточно большом расстоянии, что за сгусток прижался к боковой стенке шкафа. Для кого-то это не причина – тусклый свет, рассмотреть природу сгустка даже в темноте кому-то несложно, у Майи все со знаком качества, а вот зрение немножко подкачало. Она оставляет гореть лампу на всю ночь, чтобы, проснувшись, не очутиться в кромешной черноте без очертаний, без ориентиров, словно в пространстве вечной тьмы, где нет жизни. А Майка, бывшая простушка, очень любит жизнь и все ее краски.

Нет, у той стены ничего не должно находиться, это просто тень от шкафа, а все же как-то не по себе. И Майя всматривалась, щурясь, чтобы сначала, прежде чем пойти к шкафу, на расстоянии распознать, что ее так напрягает.

В следующий миг она еще больше сжалась, потому что сгусток отделился от шкафа... О боже, это что-то бесформенное и живое... Живое?! Дохнуло безысходностью...

Стало так страшно, что непроизвольно вырвался короткий крик. Майя не узнала собственный голос.

Черная тень бесшумно плыла к ней, даже не вздрогнув от внезапного утробного крика. Постепенно очертания из размытых становились четче, наконец она рассмотрела силуэт человека, да ведь больше никто и не может двигаться.

Человек пробрался в спальню! Майю не так-то просто сломать психологически, она живо сообразила: надо заговорить, уболтать, тем самым сломать намерения, явно плохие намерения, о которых желательно не думать, иначе волю парализует безнадежность.

Она уже набрала полную грудь воздуха, но внезапно взметнулась вверх рука тени... Майя это определила, когда сверкнула сталь. Странно, света от лампы мизер, а сталь ножа его поймала – яркий красноватый блик...

И новая мысль обожгла: нож? В руке нож? Только и пришло на ум – нож, возможно, интуиция определила, а не слабое зрение. Но зачем? Для нее, для Майки? Значит, сейчас оборвется жизнь...

Жизнь на лезвии ножа, а Майя, понимая всю безысходность своего положения, вопреки всякой логике, отчетливо увидела себя в далеком и забытом ею детстве...

* * *

Вспоминать, что она не просто из глубинки, а из провинциальной дыры, из глухого городка, которому подходит гордый статус большой деревни, она не любила. Не было ничего хорошего там, чтобы память цеплялась за истоки, или, как говорят, за корни. Майя и не вспоминала. Для этого не нужно было прилагать усилия, она просто отбросила то существование, как старый хлам в мусорный бак, и окунулась в большую, разнообразную, яркую жизнь. Между прочим, Майя усвоила: к глубоким провинциалам отношение немного презрительное, их за дурачков держат, норовят обмануть, кинуть, нагреть, поиметь во всех смыслах.

Усвоив уроки, она не стеснялась дать понять, что все считает, хотя снобам на это было наплевать, тем не менее данная позиция поднимала ее самооценку. С другой стороны, она осознавала, что надо меняться и чем-то отличаться от зажавшихся девиц с папиным счетом в банке. Имея природу обезьяны, Майя легко копировала манеры дев из семей буржуинов, но отбирая только лучшее, худшее научилась держать в уме на всякий случай – вдруг пригодится, кстати, пригодилось не раз.

Но это было много позже, а в смертельный час вспомнила себя именно там, в маленьком городишке, похожем на деревенскую экзотику, увидела она малышку Майку-Маечку, тянущую ручонки к маме, стоя в деревянном манеже, в котором подрастала вся соседская ребятня – каждый ребенок в свое время.

О время... Оно проносится так быстро, не успеваешь запоминать главные вехи, а уж мелочи вообще испаряются из памяти. Однако в миг, когда над головой взвилась реальная смерть, именно незначительные и забытые мелочи проносились перед глазами за сотые доли секунды. Например, как мама, молодая и красивая, подхватила ее на руки, потом пичкала манкой, а малышка Майка, смирившись с неизбежностью (манной кашей), болтала ножками в синих пинетках.

И мгновенно перенеслась к школе, это двухэтажное старое здание, которое топили углем в подвале под названием «котельная». Майя держала в руке букет из разноцветных астр, в другой – портфель, она гордо шагала в новеньких лаковых туфельках, шагала осторожно, чтобы не помять их, чтобы заломы и трещины не изуродовали туфельки, а они все равно появились. Майя-первоклассница была счастлива и приступила к учебе, как к священному ритуалу, ей понравилось учиться, в классе было так уютно, так тепло, особенно в дождливую погоду...

* * *

Боже, как зловеще сверкнул на лезвии блик, как сильно, до удушья, сжал горло горячий ужас! И ни лица, ни точных очертаний фигуры не разглядеть, чтобы понять – человек это или Инферно вырвалось на волю из самого ада. Один силуэт, черное и плотное пятно в воздухе с поднятой вверх рукой, видимо, на убийце куртка с капюшоном... А блик от крошечной лампы предательская сталь поймала.

Надо бы закричать, позвать на помощь, но только хрип, глухой и протяжный, вырвался изнутри, снова утробный, неузнаваемый. А ведь зови не зови – никто не придет... Никто! Старая карга бесполезна во всех отношениях, а в доме больше никого нет, Майя не нанимала прислугу с проживанием, кто знает, что придет в голову чужим людям, когда хозяйка спит.

Нет спасенья от карающей руки, нечем защититься... но ведь можно увернуться. Майя перекадилась на кровати к спинке, и первый удар ножа пришелся на то место, где она только что лежала, нож врезался в матрац. И силуэт убийцы упал на кровать, полагая, что падает на Майю. Сомнений нет, кто-то пробрался в дом, чтобы убить ее.

– Господи, кто это... – шевелились беззвучно губы Майи.

Не попав в тело, человек в балахоне замешкался, стал подниматься. Воспользовавшись паузой, Майя взлетела с кровати и ринулась к двери.

Видимо, зрением убийца обладает отличным, он опередил ее, она резко затормозила, когда зловещий силуэт еще не добежал до выхода из спальни. А затормозила потому, что где-то в затылке сидело: надо держаться на расстоянии, нельзя подпускать Инферно к себе ближе вытянутой руки, желательно находиться подальше от него. Если бы она рискнула выбежать из спальни, не исключено, что лезвие ножа могло догнать ее. И вот силуэт перед ней, он отрезал путь к спасению.

– Ты кто? – взревела Майя, отступая. – Что тебе нужно?

Какой идиотский вопрос! Силуэт уже пытался убить ее, а она спрашивает, что ему нужно. Это от потрясения. И желания жить... жить... жить...

* * *

А самое первое серьезное потрясение Майя испытала в тринадцать лет, случилось это в самом начале осени после знойного лета. Однажды она прибежала из школы на минутку за учебником математики и тетрадкой с заданием, которые забыла дома, что случалось крайне редко. Семья проживала в частном доме, не роскошном, но вполне себе сносном – из четырех небольших комнат и кухни с прихожей, удобства во дворе, но это никого не смущало, почти все так жили в частном секторе. Домик от улицы отделял палисадник и забор, входишь во двор и сразу налево – цветы почти в рост Майки качались от ветерка, а дальше – вишня с яблоней ветками сцепились.

Едва Майя вошла во дворик, который сверху густо оплел виноград, создавая плотную тень, до нее долетели негромкие прерывистые стоны и учащенное дыхание. Ничего подобного ей не приходилось слышать, она не понимала природу странных звуков, а раз не понимала, следовало выяснить их происхождение. Одержимая любопытством, ступая на цыпочках, Майя двинулась на звуки.

Так она подобралась к дальнему окну, прижалась к стене дома, потом одним глазком заглянула в комнату... но тонкий белый тюль хорошо скрывал то, что там происходило, а ведь происходило. Майка не отходила от окна, все пыталась разглядеть, в чем причина этих странных и волнительных звуков. Внезапный порыв сквозняка надул занавеску, после чего ее край взметнулся к потолку комнаты, а Майя наконец увидела... и жутко испугалась. От нахлынувшего страха она присела, чувствуя, как бешено колотится сердце, как рвет оно хрупкие косточки на груди от тесноты, казалось, вот-вот сломает их.

Но звуки из комнаты оставались ровными, не прервались и притягивали взглянуть еще разок. А чего, собственно, она испугалась? Увидеть ее не могли, и Майка поднялась на ноги, стукнувшись головой о яблоко на ветке, от испуга немного присела, теперь только глаза торчали над подоконником. В таком положении она ждала, когда сквозняк приоткроет чужую тайну...

Наконец занавеска снова взлетела, затрепыхалась где-то вверху комнаты, а Майя на этот раз рассмотрела голый мужской зад между женских ног, спину и часть затылка – голова была опущена. Зад отвратительно двигался. Спина тоже двигалась не менее отвратительно. Когда опустилась занавеска, Майя больше не стала испытывать судьбу, присела под окном на корточки, опираясь о стену дома спиной, и задумалась.

Она сразу, еще первый раз заглянув в комнату, поняла, что проникла в сокровенную тайну, к которой никого не подпускают, преступную тайну, не предназначенную для посторонних глаз. И догадалась: ее глаза самые что ни на есть посторонние, крайне нежелательные.

Кое-что Майка знала об интимных отношениях мужчины и женщины, но это «кое-что» было та-ак далеко от того, что она увидела... как Луна от Земли. Луну мы видим ярким жел-

тым блином на небе, на самом деле она огромная, пустая и серая, совсем не то, чем кажется с земли. В представлении Майи любовь ограничивалась поцелуями, ну да, еще секс бывает, но шушуканья девчонок на эту тему ее не привлекали, слушать **про это** было неловко, а то и гадко. Голова была занята учебой, кружками после уроков, мечтами уехать из паршивенького городишки в большущий центр, разумеется, когда вырастет. И пока она, сидя под окном, осмысливала момент, в комнате заговорила... мама:

– Ну, все, все, одевайся. Скоро Майка из школы придет...

Какая школа! Майя забыла про нее, забыла про учебник и тетрадку, да и поздно бежать назад, половина урока уже прошла. Она сидела под окном как мышка-норушка под лапой безжалостного кота, борясь с желанием заглянуть в окно еще разок, потому что мама... до сих пор она не соединила маму с голыми ногами, торчащими из-под мужика.

– Как минимум у нас минут сорок в запасе.

Это был мужской голос, Майя не узнала, чей он, у нее колотилось сердце, шумело в ушах.

– Нет, нет... – странной интонацией произнесла мама, словно преодолевая некую преграду. – Уходи... Ну, пожалуйста... уходи.

До Майки дошло: в комнате мама и мужик, больше там никого нет, значит, на диване... Этого не может быть. Но больше-то некому, это ее ноги торчали.

– Ладно, – сказал мужик. – Завтра продолжим.

– Иди уже! – рассмеялась мама.

Внезапно и Майя опомнилась. Во-первых, мужик должен выйти и, проходя мимо, если повернет голову, увидит девчонку под окном. Во-вторых, ей до жути хотелось выяснить, чью задницу она подсмотрела. Майя поползла на четвереньках вдоль стены дома, выбирая место для укрытия... Конечно, в цветнике он ее не заметит! Почти у самой ограды росли цветы с белыми чашечками-граммофонами и большущими листьями, туда и нырнула девочка, села на землю, подтянула к груди коленки и положила на них подбородок – теперь хорошо видна часть двора между листьями, а ее вряд ли кто увидит.

Он и не думал вертеть головой, шел уверенно, с улыбочкой обожравшегося волка на красивой роже... Это был дядька Славка Хомутов, угловой сосед, его дом на углу квартала, а Майкин дом в середине этого же квартала. Он видный мужик – что рост, что плечи, что морда, выпрыгнувшая из телика, осталось только показать ему свою крутизну, типа из пистолетов пострелять. Вот такой он. Но пистолеты с крутизной – это выборка из характеристик соседок, на самом деле дядька Славка фермер, у него парнокопытные и безкопытные, включая пернатых всех мастей. Ферма с курятниками за городом, туда он ездил каждый день... А в перерыв, выходит, к мамуле на диван заскакивал.

Умненькая Майка приподнялась, чтобы посмотреть, куда отправится Хомутов, неужели рискнет мимо своего дома пройти? А его машина? У него внедорожник обалденный, не мог же он пешком притопать! Ну, конечно, конечно, Хомутов в противоположную сторону отправился, наверное, за углом оставил свой джип размером с автобус, который хочешь или не хочешь, а заметишь. Ой, наверняка соседи в курсе его приездов, то есть соседки, языки у них раздвоенные, как у гадюк – так высказывался папа.

Странно, но первая реакция Майки – стыд, накрывший девочку, будто снежная лавина. Один раз дед возил ее в горы, там она видела издалека лавину, случайно они не попали под нее, но впечатлений Майка получила на всю жизнь. Говорили, будто в той лавине погибли люди, обрушилась она внезапно, впрочем, на базе предупреждали, чтобы отдыхающие поостереглись в тот день...

* * *

После гор всяческие неудачи с плохими событиями в жизни ассоциировала Майя с той лавиной, уничтожающей на своем пути все живое и неживое. Сейчас смертельная лавина пыталась догнать ее в спальне, которая всего минуту назад радовала размерами и безопасностью, а сейчас казалась маленькой, тесной, чертовски опасной.

Однако черная лавина в капюшоне, у которой не видно лица, одно черное пятно, реально как у фантома, хочет убить ее. Ужасно еще и то, что убийца наступал медленно, словно давая шанс спастись или надежду на шанс... Это какая-то непонятная хитрость с его стороны, а может, издевка.

Вдруг он делает быстро пару шагов к Майе и выбрасывает руку вперед, одновременно она отскочила назад, но лезвие ножа догнало ее. Боль, конечно, Майя ощутила, в то же время фактически соскочила с ножа, рана оказалась неглубокой, иначе она уже валялась бы у ног капюшона, ведь ранения в живот смертельные. И тут спина Майи уперлась в стену, значит, все... конец...

– Кто ты? – закричала в отчаянии. – Кто? И почему... Почему?!

А убийца медленно шел, точнее, спокойно шел, без суеты, как та лавина в горах. Она была такая красивая, ослепительно белая на фоне синего неба, клубилась и перекачивалась... только позже Майя узнала, какая она страшная. Но сейчас изначально ясно: в спальне дьявол, перед ним бессильны все, а от особей в людском обличье она способна защититься, обязана защититься.

Когда убийца приблизился достаточно близко и остановился явно для удара, Майя молниеносно вскочила на кровать и с той же скоростью спрыгнула на пол. Между ними теперь препятствие – кровать, а это жизнь, хотя бы еще на пару минут жизнь, ведь за две минуты ситуация может кардинально измениться, как не раз у Майки случалось...

* * *

...В тот знаменательный день, поднимаясь на ноги в цветнике, Майя пошатнулась – голова закружилась, в глазах потемнело, тем не менее она двинулась с места и едва не упала. Пришлось опереться ладонью в стену, до которой все же дошла в тумане, поцарапав ноги шипами роз. Отдышавшись, девочка отправилась в дом.

Мама напевала на кухне, порхала между плитой и столом... Майка засомневалась: может, это не она лежала под Хомутовым? Разве можно с точностью утверждать, что ноги были мамыны? По ногам узнать никого нельзя, да и не присматривалась Майя к ногам. От одной мысли она почувствовала легкость, словно что-то слезло с нее.

– Майка? – изумилась мама. – Так рано?

– У меня разболелось... голова разболелась, – солгала она, солгала первый раз в жизни, до этого не пользовалась данным приемом, и почувствовала, как горячая краска вины и стыда заливает лицо.

А солгала потому, что увиденное перевернуло все ее представления, ведь то, что было в комнате, тоже обман, подлая ложь. Впрочем, Майя в то время еще не понимала всех тонкостей, не умела анализировать, природное чутье само расставляло акценты, подсказывая, что и как называется, в будущем этот внутренний цензор очень поможет ей.

– Так ты с уроков ушла? – спросила мама с безразличием счастливого человека, который машинально задает вопросы, хотя ответы его не колышут.

– Ушла... – проговорила Майя, садясь на табуретку и с повышенным любопытством изучая родную, ранее непорочную мамочку.

– Выпей полтаблетки аспирина и полежи.

– Ага, да...

Аптечка находилась тут же, Майя взяла аспирин, поскольку голова у нее была в полном порядке, таблетку в рот не положила, сунула в кармашек жилета, а потом выпила воды, будто таблетку запивает. Она второй раз воспользовалась обманом в течение каких-то пары минут! Разумеется, не выпить лекарство совсем не преступление, однако ослушалась Майя тоже впервые. Но самое необъяснимое и непредсказуемое – обманула легко, будто лгала по сто раз на дню всю свою коротенькую жизнь. Правда, это неважно было в ту минуту, исподтишка девочка искала в матери то, чего раньше не замечала, должно же в ней что-то новое проявиться...

– У нас еще кто-нибудь есть? – вдруг поинтересовалась Майя.

– Никого. А что?

Поразительно, но мамулю вопрос доченьки не насторожил ни на йоту, слова она бросала небрежно, отстраненно, даже лениво, продолжая нарезать морковку тонкими кружочками. Не спуская с мамы глаз, Майя протянула:

– Да ничего... просто так.

– Но ты почему-то спросила. Почему?

Казалось бы, наконец мамочку заинтересовали странные намеки, но нет. Она по-прежнему не придавала значения ни интонации, ни словам, ни сканирующим взглядам дочери.

– Здесь пахнет... – И Майя осеклась, так как действительно в доме пахло чем-то незнакомым, этот запах сложно было отыскать в памяти, лишь через много лет она поймет, что это было. – Пахнет... чужими духами.

И устала на мать требовательный взгляд, мол, объясняй, что за дух поселился в нашем доме, оправдывайся, а та пожала плечами:

– Странно... Ну, заходила баба Зина, только вряд ли она пользуется духами, тем более стойкими.

Больше ничего. Должно же что-то дернуться – глаз, бровь, губы? В подобных случаях говорят: ни один мускул не дрогнул, но Майя с этими выражениями пока не была знакома. И снова она засомневалась: может, ей все показалось? А потом пристально взглянула на мать... Да, в ту минуту Майка оценивала свою мать, оценивала по-взрослому, с типично женским пристрастием, и пришла к выводу – она красивая. Даже в старом застиранном халате, с растрепанными волосами, небрежно заколотыми шпильками потрясаясь красивая, таких в кино показывают, только малость похуже. И Хомутов как с картинки... так говорят бабки соседские. Отец по сравнению с ним чудак на букву «м», нельзя сказать, что он пил, выпивал – да, но не критично, он просто никакой: ни хороший и ни плохой, так во всем.

– Голова прошла? – спросила мама, нарезая петрушку.

– Почти. Я пойду? Полежу.

В своей комнате Майка бухнулась ничком на кровать и проворачивала в памяти подсмотренное безобразие. Не верилось, что это было... но ведь было. И девочка решила удостоверить себя, что ей не привиделись ни голый двигающийся зад, ни женские ноги... Завтра, сказал Хомутов? Значит, завтра.

* * *

Черная тень не дала добежать до двери, снова перекрыла дорогу, Майе пришлось отступить назад. Есть, есть выход...

– Послушай... – сбивчиво заговорила она, отступая и выставив перед собой обе ладони. – Я не знаю, кто ты... но не вор, верно? Тебя наняли, да? Убить меня наняли?.. Сколько стоит моя жизнь?

Тень остановилась, что воодушевило Майю:

– Я могу дать вдвое больше, у меня есть... много денег есть, не сомневайся... Ты же видишь, в каком доме я живу... Прямо сейчас могу... Договорились?.. А?.. Договорились? Почему ты молчишь?.. Учти, без меня не найдешь денег, они в сейфе, а сейф... никто не знает, где сейф... и кода никто не знает... только я... Что скажешь?..

Тень слушала, значит, предложение заинтересовало. И надежда, которая умерла, едва появился фантом без лица и голоса, вдруг воскресла, расправила крылышки, подначивая Майку: «Давай! Действуй! Отдай все, не жадничай, у тебя одна жизнь, ты все наверстаешь».

– Еще украшения... – вспомнила она. – У меня шикарные... а? Как?

Расписать украшения не хватило пороку, жаба задавила, даже в смертельный час жаба знала свое черное дело. Деньги что – бумажки, а украшения... о, как жалко отдавать, надо привыкнуть, что их не будет, да времени нет привыкать. Майя вспомнила, что жизнь удовольствие дорогое, она стоит того, чтобы отдать за нее все имеющиеся цацки вместе с бумажками, тем более что тень не делала новых попыток напасть.

– Мои украшения стоят огромных денег, я отдам их тебе...

Чертов ассасин молчал... но надежда крепла...

* * *

Назначенное маме свидание не удалось подсмотреть, была контрольная, Майя не рискнула сбежать с урока. Но теперь каждый шаг родительницы она держала под надзором: куда бы та ни вышла – дочь тайком кралась за ней, подозревая, что «в магазин, к подруге, на примерку» всего лишь отговорки, чтобы встретиться с Хомутовым. Но ничего постыдного не случилось. Однако Майя застукала их во время школьных уроков, совершенно случайно очутившись дома, – не сбежать же каждый день, чтобы еще раз увидеть ту картинку. Минус в чем: девочка с каждым днем все больше сомневалась в собственных глазах, тем не менее осторожно поделилась с тремя подружками:

– Девчонки, я такое видела, такое! Поздно вечером проходила мимо дворов, там, где дома не огорожены оградой и палисадником, а сразу от края тротуара стены. Слышу – стонут. Заглядываю в окно, думала, кому-то плохо, скорую надо вызвать, а там...

И далее описывала все, что подсмотрела в родном доме, но с другими персонажами, разумеется. Две девчонки закатились от хохота:

– Ой, дура... Скорую она собралась вызвать... Ой, не могу...

Спрашивается: зачем рассказала искаженную историю одноклассницам, что хотела? Непонятный поступок. Может быть, часть своих переживаний надеялась переложить на подружек, и если бы они проявили участие, Майка выложила бы им правду, сама ведь не знала, как относиться к измене матери. А пришлось оправдываться, краснея и бледнея, будто это ее застукали с мужиком:

– Не, я потом все поняла, правда, правда. Только вначале испугалась... в первый момент, когда увидела...

Ее смерила высокомерным взглядом Кися – ей нравилось не Киса, а Кися, звучит ласковей, настоящее же имя Злата, она промурлыкала (манера у нее такая – мурлыкать, поэтому и прозвали Кисей) презрительной интонацией:

– Мне мамка книжку давала читать про секс в семь лет, специально для детей написанную, перевод с английского. С картинками. Ты совсем убогая? По телику не такое показывают, пультом пощелкай и найдешь много интересного на эту тему.

– Брось, – всплеснула ручками пухленькая Шурочка. – Не всем разрешают телик смотреть, когда «такое» показывают.

– Нет, она испугалась! – съехидничала Кися. – Дожить до пятнадцати лет и понятия не иметь, как голые люди развлекаются... это жуть.

– Мне еще далеко до пятнадцати, – напомнила Майя.

– А я тебе вообще-то про семь лет говорю, – осадил ее Кися эдак по-взрослому, словно математичка (жутко противная тетка). – Ты хоть в курсе, откуда дети берутся, блаженная?

– В курсе, – огрызнулась обиженная Майка. – Не думай, что ты самая умная и все знаешь. И про секс я без твоих книжек с картинками... знаю.

– Она не умная, наша Кися опытная, – проговорила третья девочка Инга, намекая на нечто загадочное.

Что Майке нравилось в Инге, так это ровное отношение ко всем без исключений, хотя, конечно же, предпочтения у нее были. Она никогда и никого не высмеивала, не ставила себя выше других, а ведь была лучше многих и пример для тех, кто любит телик смотреть про взрослые «развлечения». Инга хроническая отличница, не красавица, но большая умница. Шурочка, как взбитые сливки на пирожном, часто подвергалась насмешкам мальчишек, Майка ее защищала, могла и по уху захватить, если что. К слову, Кися с Майкой заслуженно считались красивыми девочками, Злата пользовалась своим преимуществом вовсю. А интересы Майи сфокусировались исключительно на учебе, правда, до того дня, когда заглянула в окно, которое теперь каждый день напоминало мамину тайну за тюлевой занавеской.

Не вышло обсудить, посоветоваться, а с другой стороны, Майка не представляла результата, что конкретно хотела услышать от девчонок – вот такая западня образовалась. И застучать мать с Хомутовым тоже не удавалось, выкинуть из головы любовников, а они снились по ночам, внося хаос в юную душу, тоже не получалось. Так и жила Майя, не перешагнув через тот эпизод, не зная точно – показалось или не показалось, как к этому относиться. Но поняла выражение – камень преткновения. Это когда бежишь вперед, вдруг упреешься во что-то – и все: ни назад, ни вперед, ни в стороны не можешь сдвинуться, вроде никто и не держит, а сойти с места – ну никак.

В октябре у соседей случилась свадьба, гуляла вся улица – это ж разлюли-малина, веселье на полную катушку с плясками, песнями и обилием на столах. Отец назюзюкался, мать повела его домой. Майя предложила помощь, но родительница отмахнулась, мол, без тебя обойдусь. Девочка хотела вернуться на свадьбу, но у ограды оглянулась – мама вела папу... нет, практически тащила на своих хрупких плечах.

Рано утром, до рассвета, он проснется и начнет бузить – бегать по комнатам, рассказывать, какой он замечательный, что его не ценят в собственном доме обе дармоедки, сидящие на шее. Руки не распускал, нет-нет, хватало беготни с выступлениями, чтобы от папочки устать и мечтать покинуть отчий домик. Хорошо, что завтра в школу не идти, думалось Майе, часто после отцовских выступлений на уроки шла не выспавшись.

И тут стукнула разумная мысль: а почему бы не пойти за родителями? Наелась до отвала, торт попробовала, завтра второй день празднования, ждет опять шум-гам, а дома тишина будет часов до трех-четырех ночи, можно полежать, книжку почитать. Майка поплелась вдоль заборов медленно, чтобы домой попасть, когда мама уложит папулю, он в этом состоянии засыпает мгновенно, стоит ему упасть на подушку. Однако до подушки его еще нужно довести, еще ухитриться, чтобы уложить, а дело это не из простых. Если Майя придет до подушки, начнется, как говорила мама, прелюдия, поэтому не шла, а тянула время и вдруг...

Сначала за спиной услышала шаги – твердые, уверенные, торопливые. Оглянулась. Это был он. Шел Хомутов по дороге, шел, как идут к цели – стремительно, ничего не замечая. Впрочем, Майку заметить он не мог, во-первых, темно, их район – истинная деревня, свет только на углах кварталов, в промежутке – из окон, только в тот вечер ни одно окошко не светилось. Во-вторых, она шла вдоль домовладений с заборами, отделяли ее от дороги кусты и деревья. Хомут шагал в противоположную сторону от своего дома. Стоп, стоп, а куда это он...

Когда Хомут прошел мимо, Майя выглянула из-за кустов – все верно, он, оглянувшись по сторонам, как мелкий пакостник, вошел в ее двор. Это что такое? Он так уверенно вошел...

они что, договорились прямо в доме? Кто-то из них с ума сошел? Или сразу оба? Мать и Хомут рискнут при отце?

Майка со всех ног рванула туда же, вошла не сразу, прислушивалась, смотрела в щели забора. Тихо было. Вошла осторожно и юркнула в тень на всякий случай, она собиралась войти в дом тихонько, полагая, что Хомут уже там, поэтому Майка набиралась смелости. Она хотела заявиться в самый разгар страстей, мол, а вот и я, чем вы тут занимаетесь? И типа – ой, я помешала? Извиняйте, но я в этом доме тоже живу пока, надеюсь, ненадолго.

Неожиданно из дома вышла мать и скрылась в летней кухне, несложно было догадаться, что Хомут тоже там. Майка подобралась к окну... эх, внутри было темно. А потом она услышала приглушенные стоны и, конечно, не рискнула войти, как намеревалась совсем недавно. Напротив, Майя села за бочку с дождевой водой у стены дома, оттуда очень хорошо виден вход в летнюю кухню. Сидела и ждала, изредка слыша вырвавшийся стон, очень тихий, сдавленный, сладострастный.

И дождалась. Оба вышли, но Хомут, сделав шаг к воротам, вдруг дернул мать на себя. Ух, как они целовались, ни в одном кино такого не увидишь, иногда Майке чудилось, будто едят друг друга.

– Все, все, все... – с дурацкими придыханиями произнесла мама. – Пусти, увидят...

– Не увидят, все на свадьбе.

Хомут тихо смеялся, целовал ее, хватал лапищами за все места – Майке дурно было от всего этого, противно до тошноты. Конечно, он вскоре убрался, но не унес с собой гадливость, поселившуюся внутри Майи. Пришел как вор и ушел как вор, даже железная дверь ограды не стукнула и не скрипнула.

Мать смотрела ему вслед с улыбкой блаженства, Майя никогда не видела у нее такой улыбки, еще не знала, что это означает, но поняла: сейчас мать настоящая, остальная ее жизнь – притворство. Мамуля заложила за голову руки и запрокинула голову, а была в старом, тонком, распахнутом халате, под ним ничего, бесстыжее голое тело – и все. Яркая и безжалостная луна выдавала и тело, и улыбку, и то, чем мать только что занималась с чужим мужиком, у которого, между прочим, жена (подруга любимой мамочки) и двое симпатичных малышей.

Маленькая, наивная, морально не окрепшая Майка, столкнувшись с потаенной стороной близкого человека, почувствовала себя обманутой, ненужной, оскорбленной. Разочарование – штука горькая, но так всегда бывает, когда рушатся светлые идеалы, которые порой замещают темные стихии...

* * *

Интересно, как это называется? Смерть в нескольких шагах, а мысль уносит в далекую реальность, пролетающую за секунду и не имеющую значения в данную страшную минуту? Выжить бы! Майя дышала тяжело, будто стометровку на соревнованиях пробежала, говорила с придыханием, как когда-то после любовных утех говорила мать, только состояние другое – не удовлетворенной похоти, а страха. Отчаянный, животный страх. Но пауза... Что бы это значило? Он думает, взвешивает выгоду? Если так, шанс есть...

– Так как мое предложение? – робко спросила Майя. – Мы договорились? (Молчание.) Тогда отойди вон туда... к стене у шкафа, где ты подждал меня... (Молчание и никакого движения.) Я вперед пойду, сейф внизу... Ну, да, да, мне не по себе мимо тебя... надеюсь, ты понимаешь мои опасения?

И тень решительно пошла. Не к шкафу, а прямо на Майю, которая отступала, а по движению плеча и руки тени поняла, что купить убийцу не удалось. И ужас, что сейчас умрет, сжал в тиски бедную душу, та зашлась в конвульсиях, не желая покидать тело. Нет! Не сейчас!

Умирать надо, когда приходит глубокая старость. А сейчас – это несправедливо! Сейчас жить да жить...

Ударилась спиной о стену, значит, отступать больше некуда, Майя решила воспользоваться тем же приемом – перепрыгнуть через кровать. Она готова прыгать хоть миллион раз, сил у нее хватит, а утром придет домработница, с ней дворник, и тогда... тогда ситуация развернется в другую сторону.

Напряжение разрядил смартфон, точнее, вибрация, на полированной тумбочке ярко вспыхнул телефон и задвигался, мирно урча...

* * *

Слишком рано она осознала, что ее среда обитания дрянь, здесь не на чем взгляд задержать, не за что зацепиться, нечем дорожить. Всю жизнь прожить в этом захолустье? И как это будет? О, тут одно на всех «счастье», расписанное на десятилетия, пунктов немного: выйти замуж за местного пацана, который не прочел ни одной книжки, родить парочку детишек, влезть в застиранный халат (как мать) и тапочки со стоптанными задниками, считать копейки, развлекаться сплетнями. Из ухищрений, делающих существование сносным, остается обман, измена...

После того как узнала про грязную связь матери, Майя решила, что здесь так и живут – в обмане с изворотливостью, и это устраивает абсолютно всех. Да, вокруг одни лживые морды, даже одноклассники научились лгать по любому пустому поводу, вероятно, удобная привычка, она вырастает в человека с пеленок. Отца жалко не было, он сам жалкий, зачем ему добавочная жалость? Но и мать она не понимала, впрочем, и не старалась.

Осознать осознала, это не значит, будто Майя повзрослела, детский максимализм остался при ней, он яростно не желал мириться с ложью. Неопытность создала искаженную реальность, изменила Майю до неузнаваемости, она стала дерзкой, строптивой, излишне самостоятельной, скрытной. И что бы мать ни говорила, как бы ни бесилась из-за поведения дочери, та словно пучок ваты – никакого отклика. Майка отделила себя от этого города и этих людей, переселившись в мир сладких иллюзий. Там здания из стекла и бетона, утопающие в облаках, роскошные автомобили, красивые люди, невероятные наряды, вечеринки, общество умных и успешных. А не старые калоши за свадебным столом, упоительно орущие песни из фольклора по принципу – кто кого переорет, до этого хорошенько поддав.

Перед зеркалом Майя торжественно поклялась, что будет там, где из окон любуются проплывающими мимо облаками, а звезды можно достать рукой. Пока же... предстояло жить в убогой среде и думать, как достичь мечтаний. Она училась, много читала, подсматривала за матерью, если удавалось, теперь не только слышала, но и видела, что делают некоторые лжецы, когда их никто не видит. Голый мужик – это фу! Но подлые гормоны, о работе которых она понятия не имела, взбесились, отчего Майя нескончаемо злилась. И никакие брошюры про это самое для недоразвитых не помогали, только разжигали физический интерес, а мозги уже все усвоили.

– Чего ты всем дерзишь? – однажды пристала Инга, когда они вышли из здания школы и двинули через школьный двор.

Майка хорошо чувствовала все тонкости в окружающей реальности, она могла бесконечно слушать пение птиц, следить за полетами ласточек, наблюдать за лягушками в речке. Она как бы срасталась с этим простым и понятным очарованием, успокаивалась, а вот слова, даже если они не несли в себе ничего обидного, тормозили в ней нечто протестное, злое. Слова Инги задели, Майя нахмурилась вместо того, чтобы любоваться падающим снегом.

– К тебе же подойти нельзя, – после паузы продолжила воспитание Инга, – сразу шипы выпускаешь во все стороны.

– И не надо ко мне подходить, – буркнула Майка.

По правде говоря, она не знала, что производит впечатление колючки, а самолюбие страдало по любому поводу, отсюда слова Инги приняла с обидой. Но не успела ей, самой любимой подруге, высказать возражения на повышенных тонах, как раздался громкий смех. Девочки оглянулись: из школы вывалили Кися и два мальчика на год старше – все готовились к городскому смотру художественной самодеятельности, оттого задержались в школе до сумерек. Снег падал тихо, но эти трое разрушили красоту и тишину. Майя проворчала, как старая бабка:

– Их трое, а кажется, будто толпа ржет.

– Тебя даже смех злит? Ты не заболела?

Троица отправилась к другому выходу, не обратив внимания на двух девчонок в пустом школьном дворе, тут Майя и вспомнила:

– Однажды ты сказала, что Кися опытная? Что ты имела в виду?

Инга прекрасно помнила тот день и тему разговора, у нее же память электронно-вычислительной машины, она усмехнулась и в ответ спросила:

– Ты серьезно не понимаешь, о каком опыте я говорила? Ну, даешь... А ты никогда не задумывалась, откуда у нее брендовые шмотки? Никогда не обращала внимания, как она одета?

– Ну, обращала, – смутилась Майя, не очень она варила в брендах. – Красиво одета... и что?

– Дорого одета, а дорого – не всегда красиво, – внесла уточнение мудрая не по годам Инга. – Идем, а то стоим здесь, как две мокрые курицы.

Им было по пути, и девочки пошли не торопясь, в задумчивом молчании, пожалуй, они впервые раздумывали о больших проблемах, выходящих за их юный возраст. А снег падал и падал, хрустел под ногами и не таял, хотя мороза как такового не ощущалось совсем. Взрослые в такие моменты чувствуют умиротворение, но две подружки были заняты собой – они стремительно взрослели. Инга заговорила первой, вернувшись к Кисе:

– А откуда у нее такие мани, м? Ну, подключи шарики. Мама и папа нашей Златы не имеют в карманах столько золота, чтобы оплатить потребности дочки, денежки надо где-то взять или... или заработать не самым тяжелым трудом... если привыкнуть.

Тут до Майки дошло, она быстро связала давнишний разговор, намеки и недомолвки, вытаращила глаза, еле выговорила:

– Что?! Она прости... Не-ет...

– Да-а, – протянула Инга, глядя на нее с состраданием. – Я знала, что ты у нас не от мира сего, но не до такой же степени!

Фразу про степень она, конечно, тоже запомнила из разговоров взрослых, но что это меняет? Инга права: Майка тундра с большими проблемами после того, как проникла в мамину тайну, что-то там внутри нее треснуло. Однако об этом она решила потом подумать, а тогда ей хотелось узнать все про Кисю:

– А родители? Они ничего не замечают?

– Хм! Думаешь, родители сильно разбираются в лейблах?

– Они не интересуются, откуда шмотки?

– Думаешь, Кися дура? Дома она ходит в тряпье с нашего рынка, в школе – в форме, конечно, но в туалете меняет кофточку на фирменную, которую приносит с собой. Туфли тоже носит с собой, как все мы. После школы переодевается в фирму, где-то в городе есть съемная квартира, которую оплачивает... я не знаю кто. А родителям врет, на каждую шмотку своя история вранья: подруга подарила, ну, будто вещь не подошла, врет, что заработала репетиторством и купила...

– Кто? Кися репетитор? – прыснула Майя.

– Почему нет? – осталась невозмутимой Инга. – Лапша во все века была любимым блюдом для ушей, а Злата хорошо учится, почему не может малявок подтягивать в учебе хотя бы в глазах мамы с папой? Они ее любят и верят ей.

– Кися с теми мальчиками... да?

– Самой не смешно? – рассмеялась Инга. – Неужели думаешь, на деньги от сэкономленных завтраков Кися делает налеты на бутики? Заметь, у нас таких магазинов нет – кому они здесь нужны! Богачи едут в центр и там отовариваются, их же немного, так что бутики держать у нас невыгодно. Кися тоже в область мотается, за ней приезжают на шикарной машине. А родителям врет, будто на олимпиады ездит, на всякие там конкурсы, экскурсии...

Ну и ну, у всех есть что скрывать, сделала вывод Майка, чувствуя себя клинической дурой, которой пора бы поумнеть, да вот беда: по заказу это не происходит. Новость уже не удивила и не разозлила ее, скорее, раздосадовала: оказывается, на словах все такие честные, искренние, открытые, даже благородные. Все повально – сю-сю-сю, а с изнанки – лживые, хитренькие, гаденькие, подленькие. Она об этом даже не догадывалась.

– А ты? Тоже зарабатываешь... э... как...

– За кого ты меня принимаешь! – пыхнула Инга, серьезно оскорбившись. – На мне нет дорогих тряпок, я ничем не отличаюсь от остальных, могла бы и сама это заметить. Хм, как в твою голову пришло такое?!

– Но ты... – растерялась Майя. – Ты же принимаешь то, что делает Кися. Или я что-то не понимаю?

– Хм! Какая ты еще... маленькая, – фыркнула Инга. – Я констатирую факт, а не принимаю род занятий этой тупицы, он во все века порицался, это самый низменный способ заработка. Кстати, заканчивается подобный образ жизни плохо, часто рано обрывается жизнь. Но от моего неприятия ничего не зависит. Или мне надо воспитанием заняться, доказывать ей что-то типа... Кисуля, лапуля, проституция – это очень плохо, сказывается на внешности и, конечно, здоровье, ты к двадцати годам превратишься в мочалку...

– Откуда ты знаешь, во что она превратится? – пробубнила Майя, перебив возмущения Инги, окрашенные ехидными интонациями.

– Откуда? Книжки читаю взрослые: Мопассана, Золя, Достоевского, это круче, чем смотреть киношки про вампиров, предназначенные исключительно для дебилов. У моей бабушки знаешь какая библиотека? Они с дедом всю жизнь только на книжки пахали.

– Все равно, Инга, тебе надо поделиться своими знаниями с Кисей.

– Делилась, – усмехнулась подружка.

– И что?

– Как говорит моя бабушка, благоразумие человеческому роду неведомо, поэтому никто не слушает чужих советов, не вооружается чужим опытом.

Пару минут девочки шли молча, что для их возраста нетипично, ведь период познания мира требует информации, Инга много знала, слушать ее можно было часами. В глазах Майи подружка выглядела страшно умной еще со второго класса, когда вошла впервые на урок физкультуры с двумя тонюсенькими косичками с пышными бантами и голубыми глазищами. Бабушке Инги посоветовали сменить климат на более теплый, но разве она поехала бы одна, вот и снялись с места все. Подружилась с ней Майя сразу, да так и дружили до последней ее минуты...

* * *

Последней? Разве эта минута последняя? Ну уж нет, Майка воспользуется любой заминкой, а звонившая трубка отвлекла чудовище в балахоне, может быть, напугала. Его лица она не могла видеть – темновато, свет от смартфона не помог разглядеть ничего в глубине капюшона,

кроме кончика носа, но от звонка темный силуэт вздрогнул и застыл в нерешительности. Испуг чувствовался в самой атмосфере, он как-то внезапно сжал воздух вокруг, и это был не Майкин испуг. Она с появления фантома находилась в состоянии смертельного ужаса и перебарывала его, чтобы выжить, новый испуг шел от балахона.

А если это женщина? Если подлой гадюкой она проползла в дом, чтобы утолить жажду мести? Почему нет? О, есть, да, есть тупые и заурядные бабы, наполненные завистью и злобой, втайне мечтающие уничтожить Майю физически. Возможно, поэтому и молчит, чтобы не выдать свою женскую природу и не спровоцировать Майю на более активное сопротивление. Но сейчас все гадания на эту тему лишние, безумные.

Короче, только дура-баба способна застыть, как вулканическая лава от одного звука смартфона, перепугавшись насмерть, а с бабой можно и посоперничать в ловкости. Ах, как вовремя это случилось, замешательство дает шанс... Главное сейчас – убежать из спальни, но какая жалость, что невозможно взять трубку и ответить, телефон далековато, а еще это время... время...

Не мешкая, Майя резво запрыгнула на кровать, ведь с той стороны легче добежать к двери, а там – фиг догонит балахон. Только вот спрыгнуть не успела, балахон оказался так же ловок и резв, в спину врезалось холодное и острое лезвие!

А время снова отматывалось назад, пока Майя, застыв от боли, стояла, выгнув спину и взмахнув беспомощными руками...

* * *

Она преобразилась в следопыта, разведчицу, шпионку, лазутчицу – да как ни назови тогдашнюю Майку, ошибки не будет. Два объекта ее привлекали: мамуля с любовником и Кися с гадким занятием. Мать и Кися кое в чем оказались схожи, будто близкая родня: обе обманывали всех, выдавая себя за образец непорочности, у обеих жизнь состояла из двух половин – внешняя и потайная, тщательно скрываемая.

Даже во внешности Майя заметила сходство – это улыбки и взгляд. То есть не совсем улыбки, а так, легкий намек, чуть-чуть заметная усмешка, причем постоянная, без перемен, даже когда обе злились. И взгляд... с поволокой, как бы утомленный, притом всегда скужающий, немного отстраненный и зовущий, оттого порочный. Улыбка и взгляд не гармонировали друг с другом, они казались сборкой элементов с других лиц, странно, что этого никто не замечал, кроме Майи. Но более странно, что одна – взрослая и умная тетка, а вторая – глупая и нагловатая соплячка, при этом схожи до жути.

Но интересный момент: и мамочке, и Кисе скрытая жизнь... нравилась, да-да, нравилась! Данное открытие повергло ее в уныние. Но чему тут удивляться? Разве их кто-то заставлял? Это Майя поняла, когда очередной раз подглядывала за играми матери и Хомутова. Что чувствовала при этом? А ничего. Кто-то удивился бы, кто-то не поверил бы, каждый имеет право на собственное представление.

Частично Майя слышала и читала о гормонах, но убедилась, что они есть, на собственном опыте, ведь поначалу они взяли над ней верх, эти накаты мешали, раздражали и реально подчиняли. Э, так не пойдет, решила неглупая девочка, ибо, подчиняясь каким-то там страстишкам с гормонами, которых никто не видел, она ничего не достигнет из того, о чем возмечтала. Примеры имелись и среди знакомых: когда вся из себя фифа поступала учиться, то сначала задирала нос, а через годик или раньше возвращалась беременной и с опущенным носом.

Задавить порочные позы, оставить разум и холодный расчет – поставила непосильную задачу юная Майя. И справилась. Каким образом девчонке удалось отключить все чувства, кроме необходимых, не секрет, но никто об этом ее не расспрашивал, а сама она не горела

желанием делиться. Презрение Майя оставила окружающим, оно свело эмоции к минусу. В самом деле, разве презирающий человек может реагировать на кого бы то ни было?

Привыкнув к новому состоянию, она вдруг ощутила потребность манипулировать людьми и ситуацией, как же не воспользоваться знаниями о тайнах? Потянуло сделать что-то такое... ну, проверить силу свою, потом интересно же: а какова реакция будет?

Первый эксперимент она провела с родной матерью. Главное, чтобы никто не догадался... Подслушав, когда любовники договаривались об очередном свидании, Майя поработала ножницами, вырезая букочки из журнала и газеты, их приклеила к листу бумаги, затем аккуратно сложила лист и вложила в конверт. Главное, чтобы никто не догадался, в день свидания конверт очутился в кармане потертого пиджака отца...

* * *

При чем здесь отец, мать, когда в спину врезалась острая и холодная сталь? Неужели все? Все – это конец, смерть, небытие, с такой действительностью Майя не хотела мириться, но боль в спине принуждала. И все же! В том возбуждении, в том бешеном внутреннем ритме, в котором она проживала свои последние минуты, судорожно ища выход, боль показалась ей не столь страшной, не смертельной. Значит, не все потеряно! А рана... она заживет.

Тем временем убийца, выдержав паузу, словно ждал, когда боль жертвы утихнет, резко вынул отточенное лезвие из холеного без изъянов тела жертвы. Лезвие подрезало рану, заставив Майю пронзительно вскрикнуть, только после этого она рухнула ничком на кровать. Но мысль убежать ее не покинула, нет, боль желанию не помешала, а крик отвлек внимание балახона, да, и это манипуляция. Майя сгруппировалась и быстро по-пластунски поползла по кровати к другому краю.

Изверг не дремал, схватил за ногу жертву и дернул на себя, Майя взвизгнула, понимая, что ей не уйти. И вдруг заплакала, тиская руками простыню. От отчаяния, от неизбежности, от беспомощности и раскаяния заплакала. Раскаивалась потому, что так и осталась простушкой из мухосранска. Заполучив мечту, уверилась, будто ей ничто не грозит, будто она вне доступности врагов, которых у любого, даже у самого безгрешного, достаточно, чтобы хоть иногда думать и о них.

– За что? – едва выговорила она хрипло. – За что?

Ей нужно знать, кто посмел посягнуть на ее жизнь, а убийца опять не ответил. По силе, с какой он схватил за ногу и подтянул жертву к себе, Майя решила, что это все же мужчина, женщина не столь хваткая и... Не успела додумать, убийца, ловко перевернув ее на спину, замер, словно чего-то ждал, возможно, его покинула прежняя решимость, что дало ей маленькую надежду.

– Кто тебя нанял? – жалобно спросила она. – Кто?

В ответ тишина. Тишина и темное пятно, нависшее над ней. Снова зазвонил телефон, а убийца одновременно замахнулся... Майя отчетливо увидела замах, одновременно и себя в родительском доме...

* * *

Расчет Майки был вполне логичен: папуля прибежал домой, явно рассчитав, в какой момент заявиться и застать жену в постели с соседом, чтобы оба не отвернулись. Майка этого цирка не видела, потому что находилась в школе, как на иголках сидела за партой, но вот причалась... а дома все как прежде. Серьезно, как будто ничего не произошло, мама неспешно трудилась на кухне.

– А где папа? – осторожно поинтересовалась Майя, в сущности, проговорила, но мать этого не заметила, ответив дочке лениво:

– Как где? На работе, конечно.

– Он не приходил... на обед?

– У них же столовая, он редко приходит.

Но этого не может быть. Записку, что ли, не читал? Майка ждала отца, как не ждут жениха после армии, и вот он пришел домой, переоделся, все сели ужинать... И ничего! Майка тайком залезла в карман его пиджака – конверта там не было. Что все это значит? Читал папочка ее донос или нет? Если не читал, куда делся конверт? Если читал, почему не орет, не бегаёт в припадке гнева?

Ответов не нашлось у Майи ни на один вопрос, ни на один. Она не на шутку завелась, решила еще раз попробовать собрать всех вместе, на это ушло какое-то время, конверт снова очутился в кармане пиджака отца... И ничего!

– Это ва-аще! – возмутилась доносчица. – Что он себе думает!

Она в третий раз подбросила конверт. Стоило бы посмеяться, но Майя ничего не понимала, поэтому ей было не смешно. А вечером после ужина в ее комнату вошел отец и присел на край кровати. Дочка не помнила, когда последний раз он приходил, конечно, ее раздирало любопытство – чего ему надо? А он молчал, потирал колени, глядя в пол, и молчал.

– Как учеба? – спросил папочка первый раз за много лет.

– Четверки-пятерки, – ответила она.

Снова наступила пауза, но пришел-то папуля не по поводу учебы единственной дочери, иначе не мялся бы, как нашкодивший ученик. И вдруг гром среди ясного неба раздался, хотя отец произнес тихо уставшим голосом:

– Прекрати подбрасывать письма с кляузами.

– Я? Письма?.. Какие кляузы? – запаниковала Майя. – Я не...

– Вот эти...

Отец достал из кармана мятые конверты и кинул на кровать, нет, не злобно кинул, а вяло, с безразличной миной на лице. Майя не сдавалась:

– Это что?

– Буквы ты вырезала из наших газет и журналов, мы их выписываем и получаем, – остался к ее изумлению спокойным отец, вынул из кармана журнальчик и кинул его к письмам. – Нашел в сарае, где лежат старые журналы и газеты. Отсюда ты вырезала буквы и слова.

Да-а... Промашка вышла. Майка отнесла журнал в сарай, собиралась выбросить позже и забыла. Тем временем отец пошел к двери, взявшись за ручку, замер и, не оборачиваясь, сказал:

– Никогда так не делай, никогда. А продолжишь в таком духе, однажды тебе накостылят. Помни: никогда.

Вот это финт отколел папа! Значит, ее сообщения он читал! Читал все три раза. И вместо того, чтобы метать гром с молниями, предпочел унизиться, промолчав, а ведь ему наверняка неприятно, что его жена шлюха.

– Лгут все, – сделала вывод Майя.

В ее интонации слышались радостные нотки, потому что вывод снимал с нее все ограничения, именно этого она втайне желала. И задумалась: а что бы такое попробовать из нехорошего, запретного, неприличного?

– Кися! – вспомнила Майка и улыбнулась. – Кися...

* * *

Замах все же перекрыл мгновенное воспоминание, она видела отчетливо сталь, так как яркий свет от дисплея звонившего смартфона достаточно четко обозначил человека в балахоне. Он отвлекся на звонок. Но у Майи уже не хватало силенок вскочить ради новой попытки убежать, не хватало смелости, не хватало уверенности. При всем при том она, преодолевая боль, что ей всегда удавалось, и чувствуя, как через рану уходят силы, приподнялась на локте, чтобы улучшить момент и снова попробовать... Еще бы один шанс... Но получила удар рукой в плечо, отчего упала на спину.

– Зачем... – завывала она. – Почему-у...

Балахон отошел, послышался щелчок выключателя, одновременно со щелчком загорелась лампа под абажуром на прикроватной тумбочке. Затем убийца вернулся и наклонился над Майей максимально низко, чтобы жертва, которая обездвижена, наконец рассмотрела, кто пришел к ней, и поняла перед смертью – за что. Ее щеки коснулось дыхание мучителя, она приоткрыла глаза, сквозь слезы отчаяния проступили черты... мутные черты... туман мешал рассмотреть... да и Майя сама себе мешала, потому что расставалась с собой. Ее путь заканчивался так глупо, успешный путь, который она выстроила еще тогда ...

* * *

У Кисы заиграли бровки от неожиданности, в первый миг она не понимала, как отнестись к просьбе в слегка требовательной форме. Кошачьи глазки сузились, курносый носик по-детски сморщился, ее смутила Майка. Однако недолго она оставалась в замешательстве, хихикнула, подняла плечи и захлопала ресницами.

– А с чего это ты решила, что я...

– Знаю, – грубовато оборвала ее Майя. – Я все знаю.

Достаточно было нескольких фраз, чтобы Кися убедилась: она спалилась. И разозлилась, хотя злиться следовало бы на себя. Но на то она и кошка, что умеет шипеть, выпускать когти, Кися оцетибилась не по-детски, преобразившись в маленькое злобное создание:

– Вот же ж стерва поганая Инка. Только не говори, что не она меня вскрыла, как консервную банку. Только у нее мозги – вычислительная машина.

– Полегче, Кисюля, Инга не виновата, что от природы умная, между прочим, только со мной поделилась, она не треплется где попало, к тому же ты сама продала себя. Короче, я хочу в твою компанию, что скажешь?

– Слушай, ты не знаешь, куда лезешь...

– И это знаю, – перебила ее Майя.

Ничего похожего на просьбу! Одна готовность и уверенность в интонациях, все это склонило Кисю к благосклонности, потому что маячила выгода и для нее. В общем, она живенько взвесила за и против, после чего пообещала:

– Ладно, я поговорю кое с кем.

Собираясь уйти, Майя сняла с подоконника рюкзак, а разговаривали они в пустом школьном коридоре, Кися ее остановила, взяв за руку:

– Стой. Только запомни, не вздумай сама искать покупателя, нарвешься на придурка, он тебя искалечит, убьет, а перед этим будет долго пытаться. Или продаст куда-нибудь на край света, где никто не найдет, ты просто пропадешь без следа. Крыша в нашем деле главное, это защита и хорошая оплата. Запомни, не всем везет попасть туда, куда просишься.

– Поняла.

– И еще... фотку принеси мне домой сегодня.

– Принесу.

– И еще... У тебя секс был?

– Нет, – призналась Майя, нисколько не смущаясь. – Это важно?

– А то! – вытаращила Кися глаза, обрадовавшись. – Ты дорогая штучка, очень дорогая, правда, маленько старовата, но все равно спрос будет офигенный.

– Я старовата?! – обалдела Майка. – Ты вообще, да? Мне еще пятнадцати нет, только в мае исполнится...

– Дороже стоят совсем сопливые и слюнявые без сисек. Ой, какая тебе разница? Заработаешь столько, сколько твои предки за пару лет не заработают. Но ты готова, что это будет старый, противный, вонючий...

Кажется, Кися снова принялась отговаривать.

– Не переживай за меня, – усмехнулась Майя.

– И смотри, держи язык за зубами. Бизнес незаконный, нас всех в тюрьму могут кинуть, если легавые накроют, говорит Ю`га, а там нас прикончат. Он работает с богатыми, эти дядьки не прощают промахов.

– Что значит – работает? – заинтересовалась Майя. – Он кто?

Вскинув на нее пронзительные глазки, словно проверяющие, насколько однокашница готова пойти по ее пути, Кися поначалу мямлила, а потом увлеклась и приступила к активной вербовке:

– Как тебе сказать... Юга менеджер... м... мой агент. Это такая профессия, когда кому-то помогают устроиться... на работу, например, мне... или тебе. Вообще-то, у него несколько девчонок, которым он подыскивает постоянного покровителя или временного... на одну встречу. Он договаривается о цене, условиях, защищает, если что. Конечно, берет свой процент, но учти, без Юги никак, а таких, как он, мало в этом бизнесе. Он креативный, презентацию каждой делает. Кстати, своих девчонок бережет, как собственный сейф, иногда вывозит на море отдохнуть, в лес погулять. Для этой... как ее... релаксии...

– Релаксации, – поправила более образованная Майя.

– Ну, да. Никак не запомню. За Югой мы – все равно что у мамы за пазухой... Так бабушка говорит.

– Твоя бабушка знает, чем ты занимаешься в свободное от школы время? – искренне изумилась Майя.

– Ты больная? Никто не знает.

О, как Кися ошибалась. Инга вычислила ее, у одноклассницы исключительно качественные мозги, да и наблюдательная не по возрасту, стоило бы развить в себе эти качества, а также быть осторожной не в пример Кисеньке. Так думала Майя, глядя на Кисю с улыбкой, рассматривая маленькую хищницу с детским личиком, а вслух спросила в лоб:

– Ты давно стала проституткой?

– Что за слова такие... гадкие? – пыхнула та, обидевшись. – Пф! Страшные и старые тетки стоят на улице или живут в борделе безвылазно, это дешевки, они и есть то самое... фу, даже повторять не хочу.

– Да ладно, не обижайся, – пошла Майя на попятную. – Просто я других слов не знаю... Ну, скажи сама, кто ты. Должна же я знать, кем считать себя?

Схитрила, польстила самой интонацией, за ручку взяла подружку, лишь бы не восстановить Кисю против себя. Однако та долгосрочной обидчивостью не отличалась, уже через короткую паузу игриво сообщила удобоваримые названия своего занятия:

– Прелестница. Цыпочка. Секс-герл. Фотку можешь и на мыло скинуть, но лучше натуральную принеси, только чтобы красивая была. Есть у тебя?

Любила Майка фотографироваться, себя любила на фотках, без ложной скромности она себе нравилась.

– Цифровые. Но я отнесу в салон, фотки там делают за час.
На том и расстались...

* * *

– Узнаешь?

Майя плохо расслышала хриловатый голос. Ее сердце так сильно трепыхалось, словно пыталось вырваться из груди, оно не хотело останавливаться, сердце билось в каждой жилке, в каждой мышце, в голове и ушах. А мысли роились, гудели, заглушая остальные звуки, мысли на одну тему: как вырваться. Не сдалась Майя, нет, не сдалась! А идеи приходят к тем, кто борется до конца. Лишь бы убийце не удалось нанести еще удар, лишь бы не было дополнительной боли...

Ее убийца так близко... очень близко... ближе не бывает... Наконец рассмотрела шевелящиеся губы, жестокие глаза, нос, лоб... Черты собрались в знакомое лицо, Майя узнала, кто пришел ее убить. Теперь до ее уха долетел и голос... знакомый голос.

А в ее руках нет оружия, но тот, кто хочет выжить, найдет, чем защитить себя. Это шанс. Последний шанс. Жизнь Майи стоит того, чтобы рискнуть, впрочем, выхода все равно нет, только идти до конца. Но как это сделать? Она прищурила глаза, примериваясь к балахону.

– Не узнаешь? – спросило исчадие ада, обдавая горячим дыханием ее лицо, словно сама смерть дышала.

Она слышала все слова, понимала их значение, но ничего не сказала, Майя думала о защите, лихорадочно думала, что предпринять. Зрение и так неважное, а от напряжения, слез и бешено скачущего сердца жар обдавал тело, лицо, бился в виски и глаза, поэтому все расплывалось. Но идея посетила ее разгоряченную голову, так всегда случалось в самые опасные моменты, словно некто невидимый хранил беспутную Майку. Пришел он на помощь и в эту страшную минуту. Собрав последние силы, она неожиданно для убийцы завизжала:

– Сдохни!

И одновременно одним рывком схватила обеими руками за горло черную гадину, принесшую для нее смерть, схватила крепко. А ведь попала точно в цель, правда, горло облегал тонкий ворот свитера, но ткань не помешала захватить длинными пальцами тонкую шею врага и сдавить ее.

Не надеясь на силу рук, она одновременно с захватом приподнялась и врезалась зубами в щеку. Черная гадина взвыла! А Майя в приступе торжества сильнее сдавила зубы и пальцы, крутила головой, чтобы вырвать кусок ненавистой плоти.

О, адская боль от зубов... раздался рев! Торжество охватило Майю. Слившись в смертельной схватке, оба перекатывались на кровати с бока на бок...

* * *

С Югой встреча состоялась в столице соседней области, кстати, городок Майи и Златы-Киси недалеко, всего несколько часов на автобусе. Кися привезла ее на такси в шикарный клуб с загадочным названием «Dhana», разумеется, когда там было пусто. Ей все нравилось, а вот Юге понравиться оказалось непросто, он сразу обозначил дистанцию:

– Мне на твои прелести плевать, у меня свой интерес, работу я не путаю с удовольствиями. Ты несовершеннолетняя, можешь сдать меня...

– Не сдам! – пылко пообещала она.

– Рот закрой и слушай, когда говорю я, – сказал спокойно Юга, абсолютно без раздражения, вероятно, в его задачу входил прием не напугать новенькую. – Я не люблю повторять, запомни. Для начала ты должна на камеру рассказать, что добровольно пришла в наш клуб, а

также – почему пришла. Мне это вряд ли поможет, если что-то пойдет не так, но и приговор будет мягче при хорошем адвокате.

Юга не был похож ни на кого из знакомых Майи, впрочем, откуда взяться разнообразию, когда ареал ее обитания – школа, родная улица, иногда ДК? Первое, что бросилось в глаза – одежда, он одевался поразительно свободно и в то же время элегантно, если костюм, то, к примеру, не как у мэра города, а без галстука, пиджак расстегнут, рукава (ужас и восторг одновременно) либо закатаны, либо просто сдвинуты к локтям гармошкой.

Сам он длинный, с длинными руками и ногами, с длинным носом, длинным подбородком, длинными черными волосами до плеч, маленькими запавшими глазами и нависшими над ними надбровьями. Нет, Юга не страшный внешне, но и далеко не красавец, волнистые волосы придавали его лицу сходство с героями древних сказаний, не выпускающих из рук меч справедливости. Само собой, герои не могут быть отрицательными типами, по которым тюрьма тоскует, героями предназначено восхищаться.

Говорил неторопливо, тем не менее твердо, с первой же фразы приходило понимание, что он стоит выше, знает больше, даже если общался с людьми намного старше себя, но с этими еще и уважительно. Интонации и манера держаться отбивали мало-мальское желание, например, поспорить с ним, пошутить, пококетничать. А то, что он старый (в те времена все, кому чуть за тридцать, виделись Майке стариками и старухами), только прибавляло ему веса в глазах юной глупышки, он вызывал доверие, на его ультиматум она с вызовом бросила, вздернув нос:

– Я согласна на запись!

– Вот-вот, – проткнул указательным пальцем воздух он, – так же дерзко расскажи на камеру все... – На несколько секунд Юга задумался, изучающе глядя на девочку, потом улыбнулся и предложил: – Все, что хотела бы сказать моралистам, но не решаешься. Откровенно и весело. Не бойся, твои откровения не попадут в информационное поле при условии, что будешь послушной девочкой.

Майка закусила нижнюю губу, хитро прищурившись, ей понравилась идея высказаться, выплеснуть то, что созрело и жгло внутри, провоцируя на безрассудства. Хорошо или плохо – эту шкалу выстроила по-своему: хорошо то, что хочет она, а плохо то, что мешает ей, вот и вся моралистка.

– Справлюсь, – улыбнулась она ему, игриво наклонив набок голову.

Юга уловил в ее ужимках желание понравиться ему и осадил:

– Предупреждаю, не вздумай влюбиться в меня, выкину из команды. Мы работаем, и у нас есть строгие правила, им ты обязана следовать. Там, где нет правил, их заменяет бардак, анархия. Этого я не допущу. Короче, на мне не проверяй свои чары, которыми не умеешь пользоваться и выглядишь поэтому дурой. В тебе есть очарование чистоты, постарайся сохранить как можно дольше эту черту, главную в тебе.

Неделю спустя Майя стояла на том же месте в длинном прозрачном платье из тонкого шелка цвета морской волны, под платьем никакого белья, волосы велели распустить, их эффектно растрепали. С двух сторон два фонаря на штативах светили прямо в лицо, поправляя светильники по команде Юги толстяк, похожий на Карлсона из мультика. Текст собственной речи Майя составила сама, кое-что позаимствовала у персонажей из книг, записала, выучила наизусть и отрепетировала. Когда Юга, стоя напротив с камерой, махнул кистью руки, мол, снимаю, она начала сначала робко, но постепенно разошлась:

– Я пришла сама, никто меня не заставлял продать себя. Но я не дешевка и не буду ею. Уверена, вы сейчас смотрите на меня неприветливо, с презрением, с осуждением. Наверное, думаете, какая я плохая. А сами? Вы лживые, развратные, хитрые выродки и обманщики. При чем все. Все крадут друг у друга любовь, честность, деньги, жен, мужей, работу, друг на друга льют помой, но выставляют себя порядочными и правильными! Я не хочу булькать в вашем болоте, потому что лучше вас, красивей, умней. Почему же мне урывать кусочки счастья, бегая

к чужому мужику, как моя мать, а не воспользоваться тем, что есть во мне, и просто не заработать на своем теле? Я хочу много денег. Так много, чтобы хватило на шмотки, шикарный дом, вкусную еду, развлечения, путешествия, и чтобы никогда не видеть ваши тупые рожи. Это все, что мне надо, и это у меня будет.

Закончила пафосно. Являясь неплохим психологом, Юга медленно опустил камеру, с минуту стоял молча, он был явно обескуражен обличительным монологом сопливой нимфетки, которая таким образом справлялась со своими глубинными комплексами. Однако ему на руку этот противоречивый внутренний эпатаж, наконец он закивал, затем проговорил тихо:

– Неплохо. Кто тебя научил?

– Никто. Я сама сочинила.

– Неплохо, – повторил Юга, потирая подбородок и прохаживаясь вдоль возвышения, на котором стояла кандидатка. – Ты, оказывается, у нас с интеллектом. Майя... Хм! По-видимому, ты соответствуешь своему имени.

– Не понимаю, чему я соответствую?

– Майя в переводе с санскрита – видимость, иллюзия, не отображающая объективной реальности. Ладно... Готовься, через неделю у тебя презентация, это будет круто.

Его слова означали, что Майка принята! Она позволила себе лишь улыбнуться, боясь, что бурная радость разозлит патрона. Как выяснилось, за подходящую девочку подружке полагалась выплата – десять процентов от общего заработка, практичная Майя тут же полюбопытствовала:

– А сколько он получит за меня?

– Ну, это зависит от того, сколько за тебя дадут.

– Разве не он назначает цену?

– Он, но начальную цену, Юга устраивает аукцион, – зашебетала Кися, наполненная восторгом, а быть может, нескрываемой завистью. – Тебя будут толкать под молоток, кто больше кинет бабок, тот и получит нашу Майку.

– А если не кинут больше, чем Юга рассчитывает?

– Ты не понимаешь, – рассмеялась Кися. – Это же будет борьба понтов. Ну какой мужик с бабками захочет, чтоб его обыграли? Престижно выкинуть кучу бабок за одну ночь с девственницей на глазах у конкурентов.

До Майи не доходили причуды богатых, слишком далека была она от маститых бизнесменов, ее больше интересовало устройство того мира, в который смело решила войти, а Кисенька щедро делилась богатым опытом. Впрочем, за десять процентов она в лепешку готова была разбиться, ничего не делая при этом.

Настал вечер, перевернувший жизнь Майки. Впервые визажист сделал ей макияж – едва заметный, лишь чуть-чуть подчеркивающий черты, на пастельных тонах настоял Юга, он требовал естественности, только улучшенной. То же платье, добавилась еще мантия с капюшоном, те же фонари на штативах.

Аукцион проходил в том же практически пустом зале, где был плотный полумрак. Мужчины сидели в креслах полукругом и фактически в полной темноте, угадывались лишь силуэты на расстоянии друг от друга, всего их было семеро. Может, со стороны семи покупателей все иначе выглядело, а Майя только силуэты в креслах разглядела, иногда поднимались руки с квадратами, а голос Юги объявлял суммы... они поражали воображение.

Стыдно ей было? Когда Майя переступала порог клуба «Dhana», то сознательно оставила все высокопарности из области «хорошая девочка должна...». Майя решила: ничего и никому она не должна. Когда Майка попала на возвышение, похожее на крошечную сцену, ее охватил азарт, восторг, дух захватывало от мысли, что она такая огромная ценность, о чем совсем не подозревала. В тот миг она твердо знала, что стерпит все неудобства, а потом... потом наберется знаний с опытом и сама будет диктовать.

* * *

Майя ощущала на губах вязкую и солоноватую жижу, она сопела, сжимая пальцы на горле и зубы на щеке. Эх, жалко, что не на горле зубы сцепила, сил хватило бы загрызть черную гадину насмерть. Майка рвала бы жилы врага, сонная артерия так близко, сбоку шеи, и тогда конец был бы обеспечен, а вот руки... руки слабоваты. Она ведь тоже, теряя свою кровь, теряет силы. Но не все потеряно в этой прекрасной жизни, не все кончено для Майи, нужно лишь убить темную силу так же безжалостно, как пыталась эта вражина убить ее.

Подлая гадина дергалась в конвульсиях, вырывалась, а Майя все больше радовалась, надежда, пусть и слабая, придавала ей сил. Оказалось, пробравшаяся в дом вражина не столь сильна, как почудилось вначале, она чувствует боль, задыхается, извивается... Майя решила придержать тело еще и ногой, забросила ее на бедро убийцы с трудом, ведь в спине ныла рана.

И тут бок разорвала адская боль, это нож вошел по самую рукоятку, затем вырвался из тела. Боль была настолько сильная, что парализовала Майю, она разжала зубы, отпустив шею черной вражины, откинулась на спину и хватала ртом воздух, пахнувший свежей кровью, ощущая острее вязкий и солоноватый вкус чужой крови.

Последовал еще удар, теперь в живот. Майка закричала, но ей показалось, будто она кричит, на самом деле это был всего лишь стон сдавшейся жертвы.

Она проиграла борьбу, первый раз в жизни проиграла. На кону стояли не деньги, не престиж, не положение, а нечто более ценное – жизнь, ее жизнь.

На мгновение Майя ощутила свободу, над ней в который раз склонилось существо и зарычало в ярости с болью в голосе:

– Сдохни сама, тварь! Сдохни!

Снова сталь врезалась в ее тело... Потом следующий удар... Майя все еще не умирала, хотя и закрыла глаза, но вздрагивала от каждого нового удара ножом, издавая обреченные стоны. Она больше не сопротивлялась, не пыталась ускользнуть от ударов, смирившись с неизбежностью...

Часть вторая

Люди и их тени

Автомобиль Вениамина стоял на обочине у поворота с указателем «Орехово», дверца со стороны водителя открыта, сам он сидел, спустив одну ногу на землю и уткнув нос в смартфон. Изредка Веня поглядывал на убегающую вдаль дорогу, окруженную с обеих сторон смешанным лесом. А утро чудное, с мягким солнцем, окутывало дивным запахом лесных ароматов, и тишина... Транспорт здесь явление нечастое.

Орехово – село, за которым облюбовали местечки самые влиятельные личности города, поделили между собой земельные участки с лесом и береговой частью реки, теперь застраивают загородными особняками. Из Орехово новоявленные помещики нанимали прислугу, охрана там пока не требовалась, во-первых, полно недостроя, значит, красть по большому счету нечего, кроме стройматериалов, во-вторых, далеко от города – десять километров. Есть и третья причина обойтись без охраны – закрытая информация о новом элитном поселке, мало кому известно, что богачи обустраиваются за Ореховым. В общем, грабители и всякого рода отморозки не посещали Орехово-2, но это дело времени.

Вениамин издали заметил автомобиль Феликса, вышел из машины, потянулся до хруста костей и, когда старший опер притормозил рядом, сказал:

– Привет. За мной поезжай, сначала через Орехово...

– Да помню я, помню, – бросил Феликс.

Село большое, одноэтажное, ухоженное, не бедное. Ребята петляли по улицам с названиями и без, значит, поселение разрастается, как раз по этой причине здесь легко заплутать, так как не всем новым улицам присвоены названия. Но вот остановились у ворот рядом с полицейской машиной и «труповозкой», вошли во двор.

М-да, здесь не выращивают помидорчики-огурчики, здесь заботятся о красоте: цветочки, травка – будто стриг ее стилист из салона красоты, замысловатые деревца с изломанными ветками и кривыми стволами, изогнутые скамейки, вазоны и статуи под белый мрамор.

– Как надгробия, – высказался неизвестно откуда взявшийся Женя Сорин. – На старом кладбище таких полно. Никогда не понимал любовь к статуям в кладбищенском стиле, некромантия какая-то.

Самый юный в их команде Женька занятный оригинал, симпатичный меланхолик двадцати четырех лет со своеобразным чувством юмора. Иногда его фразочки, брошенные небрежным тоном, как в данную минуту, неплохо разряжают обстановку, с другой стороны, Сорин скрупулезен и ответственен, что, собственно, и нужно в работе оперативника.

Феликс... О, в их компании он самый-самый... В смысле, красавец – так утверждают женщины, правда, не все, есть и вражески настроенные к нему. Но красавец не сладостно-приторный, Феликс brutальный, породистый, ни один киногерой рядом не стоял! Высокий, светлый шатен, а серые глаза... а губы... а нос... Нос подкачал, горбатый, как у коршуна. Однако и характер у Феликса – палец в рот не клади, впрочем, у всех из группы Терехова характер не сахар.

Феликс молча и машинально поздоровался с Сориным за руку, не прерывая осмотра, перешел на медленный шаг, чтобы прощупать взглядом не только двор, но и фасад домика. Иногда беглый взгляд ловит мелочь, не замеченную никем, а она потом становится уликой. Веня с Женей терпеливо ждали, не мешая ему изучать местность, а тот поднял глаза на четырехуровневый особняк. Этажи расположены не последовательно друг над другом, а создавая видимость хаотичности, балконы и внешние переходы добавляли стилистичности.

– Большая халабуда, – оценил Феликс.

– Модерн, – с уверенностью знатока произнес Женя Сорин. Когда Феликс оглянулся, добавил: – Или еще какой-нибудь хай-тек, чтобы не как у всех. Четыре уровня не друг над другом, а ступенчатые, отсюда и выглядит грандиозно, на самом деле тянет на трехэтажный домик.

– Народу здесь живет до фига. – И Вениамин протяжно вздохнул.

Бывший деревенский участковый Веня прижился в команде следователя Павла Терехова накрепко. Круглолицый и невысокий, плотный, основательный, серьезный – лишний раз не улыбнется, при этом он равнодушный и добряк. Еще принципиальный, что не всегда является добродетелью в их сфере деятельности, а иногда так и вовсе мешает.

Вениамин тоже водил глазами по фасаду. Кстати, у него есть редкое и действительно завидное качество: потрясающая наблюдательность, позволяющая из незначительных деталей, собрав их, делать полезный вывод. Конечно, оперативники не личный состав Павла, но все они хорошо себя зарекомендовали как профессионалы, работая вместе, поэтому просьбу Терехова дать тех же ребят постоянно удовлетворяли.

– Пашка приехал? – спросил Феликс.

– Едет, – сообщил Вениамин.

– А тут что?

– Ну, труп сам увидишь, он на втором этаже, занятный труп... – ответил Вениамин, хотел еще что-то сообщить, но его перебил Женя:

– Ой, Фил, наш труп выглядит как вампир! Шея, губы и лицо в крови, будто она пила кровь жертвы, а ее в этот момент – чик ножичком, и жертвой стала она.

– Да ну, – без эмоций сказал Феликс. – Что еще?

– Есть и особенность, я бы сказал, нетипичная, – заявил Веня. – Перед тем как уехать, чтобы встретить тебя, у трех небожителей данного особняка нашли улики. Осмотр дома продолжается. Я сказал ребятам, чтобы ничего не трогали до приезда следака и старшего опера, сам посмотришь.

– Да ну! – Вот теперь Феликс, повывавший трупов немерено, удивился. – Сразу три подозреваемых?

– Ага, – хихикнул Сорин. – Так еще не вечер. Идем в дом?

– А кто из экспертов приехал? – поинтересовался Феликс по дороге к входу в особняк.

– Антоша Степанович и Станислав Петрович, – тоном повышенного уважения сказал Женя.

Пройдя прихожую, коридор с двумя дверями – одна на кухню, другая в складское помещение, они наконец очутились перед ступеньками, которые вели вниз в большую гостиную. Но Вениамин указал Феликсу рукой на лестницу, ведущую вверх:

– Труп в спальне!..

Тамара подъезжала к повороту на Орехово.

Машина Павла осталась дома, ночевал он у нее, там и застал его звонок дежурного. Она предложила отвезти его на место преступления, тем более до двенадцати дня свободна. Когда Тамара крутанула руль и съехала с трассы, он вдруг вспомнил:

– Кстати, у тебя же за Ореховым был дом?

– Да, был и есть. Недостроенный немножко.

– Как! Ты разве его не продала?

– Я сняла дом с продажи.

– Почему?

Она взглянула на него с загадочной улыбкой, а Павел смотрел на нее с большим удивлением, ведь Тамара всего полгода назад слышать ничего не хотела о загородном доме. Слишком ужасные воспоминания в ее памяти оставило это место и вдруг... сняла с продажи! Должна

же быть причина? Видимо, он выглядел нелепо: глаза вытаращены, брови подняты, уголки губ опущены, поэтому Тамара рассмеялась и снова уставилась на дорогу.

– Я смешон? – нахмурился Павел.

Она старше на два года, ей тридцать три, отсюда, наверное, ему иногда кажется, что Тамара берет верх, при этом не имея цели победить.

– Выражение у тебя... никогда не видела, – призналась она. – Не делай из мухи слона. Просто это место идеальное: экология, воздух, лес, речка... отличное место для здоровья.

– Не понял, зачем тебе все это? От города далеко...

Второй раз Тамара рассмеялась в голос, но ничего не сказала в ответ, а только улыбалась, глядя в лобовое стекло и легко покручивая руль, впрочем, дорога в Орехово-2 отличная. Павел откинулся на спинку кресла и задумался, косясь на нее. Все утверждают, что Тамара эффектная, а мама Павла считает ее очень красивой, восхищается изящной фигурой балерины, очень навязчиво восхищается, иногда подозрительно. Но при этом у Тамары своеобразные черты лица, пропорции неидеальны: скулы высокие, глаза большие, аметистовые, над ними яркие брови дугой, а вот прямой нос и рот будто с другого лица.

Кстати, Тамара действительно бывшая балерина, работает репетитором в театре оперы и балета, всех очаровывает. И всегда мама почему-то сравнивает их:

– А ты у меня белобрысый, лопухий, длинный, рядом с тобой такая женщина... Это престижно, милый.

Сам пока не понял, насколько Тамара его очаровала, насколько сильно привязала... вот-вот, он боится привязанности, один раз привязался, ни к чему хорошему это не привело.

Тем временем Тамара без труда угадала, где остановиться, две машины у ворот указывали принадлежность к полицейскому ведомству. Павел вышел и двинул к открытым воротам, его догнал вопрос:

– Тебя ждать?

– Нет-нет, это долгая песня, – сказал Павел.

– Тогда я посмотрю на свой дом и поеду назад.

– Да, конечно.

И подумал: «Зачем она отчитывается? А я? Как будто разрешил поехать к ее собственному дому... Она имеет право ехать куда хочет, и без всяких отчетов, я тоже». Мысли проскользнули в голове и улетучились, так как Павел вошел в особняк. Здесь кипела работа, обыск начали без него, и это хорошо, площадь большая, ее обработать за день очень сложно. Когда Павел попал в спальню, невольно присвистнул и непроизвольно высказал свое впечатление, хотя обычно отличался сдержанностью:

– Это спальня?

– Да, а что? – шел ему навстречу Сорин. – Не нравится? Совсем?

– Честно? – пожав ему руку, сказал Терехов. – Не нравится. Слишком большая, нереально большая. Я бы не смог здесь спать, как-то не располагает парадный зал ко сну. Ладно, лирику в сторону, где она?

– Да вон лежит.

Женя отступил и указал рукой на кровать недалеко от окна. И что увидел Павел, подойдя ближе? Обнаженная молодая женщина лежала поперек кровати, свесив ноги, раскинув руки, она была залита кровью, но лицо... Павел пытался вспомнить, видел ли он нечто подобное хотя бы в учебниках? Не вспомнил ничего, тогда, ни к кому не обращаясь, то ли пошутил, то ли просто спросил:

– Она что, кровью питалась?

– Вот и я говорю: вампирша, – не преминул вставить Сорин.

– Может, убийца выбил ей зубы, – выдал свою версию круглолицый судмедэксперт Корилов. – Точно скажу после исследования трупа.

Кориков Антон Степанович незаменимый эксперт... О нет, он не старик, просто представился Антоном Степановичем, с тех пор Феликс зовет его исключительно ласково по имени – Антошей плюс отчество, а ему этой весной исполнилось всего двадцать шесть. Без судмедэксперта в современном следствии делать нечего, в общем, Антоша новичок, в коллектив легко влился на последнем деле. Паренек кругленький, аккуратненький, с сияющими глазами, розовыми щеками и солнечной улыбкой, короче, по виду мальчишка. Но ведь неважно, какой у тебя вид, неважен и возраст, главное – что ты умеешь, так вот как профессионал Антон – выше среднего.

– А укусить могла? – полюбопытствовал Женя.

– Не слишком ли много на ее лице крови после простого укуса? – засомневался Павел, рассматривая раны на теле убитой.

– Согласен, – сказал Антоша.

– А если постараться? – не отказался от своей версии Сорин. – Она, полагаю, очень старалась остаться живой и защищалась как могла. Вот только куда укусила? В руку?

– Ммм... – замычал Кориков и пожал плечами. – Может, и в руку.

К ним подошел Феликс, на этот счет у него возникли свои соображения, которыми он поделился:

– Обычно на запланированное убийство идут наглухо упакованные – руки, ноги, кисти, маску на лицо натягивают, голову закрывают. Образованный убийца, а таких мало, позаботится о своей безопасности, ни один волос не должен упасть, частицы кожи и пота – все это может стать уликой, причем неоспоримой.

– Тогда нос откусила, – явилась умная мысль Сорину. – Надо срочно начать розыск чела без носа в медицинских учреждениях, убийца захочет его пришить.

– Сорняк, помолчи, – отмахнулся от него Феликс.

– Я хоть версии выдвигаю, а ты...

– Короче, Антоша Степанович, – подошел ближе Феликс, – возьми на экспертизу образцы крови с прекрасных губ нашей убитой.

– Уже взял, – улыбнулся Антон. – Несколько проб с разных частей лица и шеи, ее кровь могла перемешаться с кровью убийцы. И на полу кровь нашлась.

Тем временем Павел выпрямился, заложил руки в карманы брюк и стоял так, уставившись на убитую женщину. Вряд ли ей понравилось бы, что ее наготу изучает посторонний мужик, к тому же не один, однако в данную минуту он не женщину видел и не человека, а искромсанное тело. Теперь того, кто кромсал, как пишут в актах и протоколах, «плоским острым предметом, предположительно ножом», предстоит искать. А убийца наверняка не дурак, без сомнения, позаботился о том, чтобы его не нашли.

– Антоша, – обратился к Корику Павел, – допустим, она укусила. А в какое место, если убийца был закрыт полностью?

– Не факт, что был упакован с головы до ног, – вступил в диалог Вениамин. – Вон бутылка шампанского, между прочим, пустая. А убитая голая. Может, пришел любовник, выпили, поцупались и...

Настала очередь криминалиста Огнева подать голос, в данной группе он самый старший, можно сказать, старикан – все же сорок три ему стукнуло, неприметный и похож на сухой стручок. Станислав Петрович разбил версию Вениамина в пух и прах:

– Здесь один бокал, мой друг. А вон банное полотенце валяется на полу, мы не трогали до приезда Павла Игоревича. Стало быть, дама приняла ванну, а она-таки приняла, о чем свидетельствует полная ванна воды в комнате рядом и на столике шоколад, апельсин, пробка от бутылки.

– Ну, приняла ванну, – согласился Сорин, – а здесь ждал...

– Давайте версии позже обсудим, – предложил Феликс. – Кто еще в доме был на момент убийства?

– Старушка, она с приветом, – ответил Женя Сорин. – Впрочем, даже без приветов, без памяти и без движений.

– А кто обнаружил труп?

– Мы, – выступила из тени женщина средних лет.

Только сейчас Павел заметил довольно милую женщину, а рядом с ней крупного мужчину, по всей видимости, оба из деревенских. Он подошел ближе и представился:

– Следователь Павел Игоревич Терехов, а вы...

– Наталья... я тут прибираюсь. А это муж...

– Виктор, – сказал муж. – Я в саду и по двору хозяйничаю. Мы тут работаем, а сами в Орехове проживаем.

– Что ж, Наталья, давайте пройдем в свободную комнату? – пригласил женщину Павел. – Не бойтесь, я хочу просто поговорить с вами без протокола о... Кем убитая была в этом доме?

– Хозяйкой, – ответила Наталья.

В углу за кроватью с убитой и у окна сидел паренек из полицейской группы и на тумбочке писал, разумеется, протокол. Терехов не заметил его, потому что внимание, когда вошел в спальню, привлекли в первую очередь детали, связанные с убитой. Из того угла раздался обиженный голос паренька:

– Павел Игоревич, а мне как быть? Одна понятая, где других взять?

Терехов поднял брови, поискал глазами Сорина, нашел и:

– Женя, разве не ты пишешь протокол?

– Не я, – хитро ухмыльнулся тот. – Я занимаюсь прямым своим делом – обыском. А то как протоколы, так все я да я...

– Ты пишешь без ошибок, – напомнил Феликс.

– Нет, – мягко возразил Женя, улыбаясь. – Потому что я дурак и хвостун, а таким всегда достается самая противная работа.

Павел приобнял его за плечи, не поскупившись на комплимент:

– Просто ты очень хорошо пишешь протоколы.

– Я же и говорю, что дурак, – вздохнул Сорин.

Однако найти других не представлялось возможным, прислуга из двух человек – подарок, за другими надо ехать в село. А кто согласится бросить все, чтобы постоять до вечера, ведь обыскать нужно весь дом при понятых? Муж и жена тоже не выход, но за неимением иных... Павел задумался, как быть, протокол-то нарушать нельзя, Феликс вырубил:

– Идите, здесь одним обойдутся ввиду особых обстоятельств, в конце концов, нашей группе должны доверять после всех раскрытых дел.

– Ты с нами, – сказал Павел, махнув рукой, мол, за мной.

Накануне Моника и Ярослав разругались.

Она проревела весь вечер, редела так, чтобы он иногда слышал ее всхлипывания, чтобы его совесть дико страдала, чтобы муж пришел в спальню, утешал, просил прощения, когда-то Ярик так и делал. Он не пришел и не просил прощения. Он ушел! Да, вот так взял и ушел из дома! Бросил! Вместо очередного приступа рыданий Моника разозлилась и долго не могла успокоиться, наконец оделась, вышла на улицу, цедя сквозь зубы:

– Ничего, ничего... Завтра придешь как миленький, никуда не денешься. Ну что ты без меня? Ничего! Ноль.

Утром Моника тщательно рисовала личико, стараясь выжать максимум из скромных черт, скоро муж придет, она должна выглядеть лучше, чем мама ее родила. Дело в том, что Ярослав состоит из одних недостатков: красивый, сволочь, правда, некоторые подвергают сомне-

нию сей факт, например, старшая сестра Галка. Чего он ей не нравится? Вокруг Ярика бабы табунами сигают, а он выбрал Монику, которая... так себе. Статный, высокий, умный, воспитанный в отличие от жены. Нет, правда, физиономия у него... от счастья плакать хочется, когда Моника смотрит на него, в его глаза, продирающие насквозь. А что у нее? Ну, фигура шикарная, отточенная художественной гимнастикой, Моника намеренно в бассейн мужа тащит, чтобы лишний раз посмотрел на идеальную фигурку жены. А личико так себе. Ну, хорошенькая, разве это показатель? И укоренилась в головке мысль, что женился Ярик на ней из-за денег, мысль изводила. Главное, муж непробиваем: когда она ссорится с ним, он будто не слышит, выключается!

И да, утром Ярослав вернулся, иначе не могло быть. Как ни в чем не бывало она приготовила завтрак, сварила кофе... Он завтракать не стал, тарелку отодвинул, только кофе пил. Молча пил. Моника еще вчера поняла: перегнула палку, надо бы как-то выпрямить ее, но ведь не скажешь же: прости, я была душой, не виноватая я – меня избаловали мама с бабушкой, а папе было некогда, некому было мне задницу ремнем погладить, меня жалеть надо, а ты... Нет, без «а ты...» будет лучше, а то добьется обратного эффекта.

– Поехали, – холодно сказал он, вставая из-за стола.

Сели в машину и поехали. Но это невозможно – находиться в салоне авто рядом и молчать всю дорогу, как чужие, на этот раз Ярослав, кажется, серьезно настроен, Моника дала задний ход:

– Хватит дуться! Да, у меня нервы... (Между прочим, нервы у нее железные, просто характер плохой.) Ты же понимаешь, что все из-за этой гадины?

– Не понимаю, – наконец заговорил он без капли раздражения. – Чего ты бесишься? Свою и мою жизнь превращаешь в ад зачем? Тебе негде жить? Не на чем ездить? Нечего есть?

– Дом мой! – справедливо огрызнулась она. – Это мое родовое гнездо!

– Усадьба не может быть твоим родовым гнездом, ее построили всего десять лет назад.

– Неважно. Я прямая наследница, а кто она? Никто. Шалава какая-то.

– Мона, ты ничего не добьешься, смирись.

– А экспертизу сделать? Я уверена, почерк подделан. (Ярослав молча вел машину, глядя на дорогу.) Почему ты все время молчишь?

– Ну, сейчас-то я не молчу. А когда тебя несет не по делу, молчу, потому что не слышишь ты меня.

– Но ты меня тоже... – Моника вдруг осеклась, подалась вперед. – Ой, что это у нашего дома?

– Полиция.

Моника всегда найдет к чему придаться:

– Извини, тон у тебя... будто полиция обычное дело!

– А у тебя почему такой испуганный вид? – парировал Ярослав, как всегда, бесстрастно. – Есть чего бояться?

– Не говори ерунды... – Она осеклась, вытянула шею, подавшись вперед, насколько позволил ремень безопасности. – Ой, смотри, еще какая-то машина странная... обшарпанная... и легковые для нулевого класса... К нам на таких не приезжают.

Муж остановил автомобиль на парковке у ворот, въезжать во двор не стал и, прежде чем выйти, придержал Монику за руку, вот теперь его тон приобрел жесткие нотки, которых она боялась больше всего на свете, за ними крылась угроза:

– Никогда при мне не говори про нулевой класс. Мы все вышли из нулевого класса: я, мои предки, ты тоже... Не перебивай меня! – упреительно поднял палец Ярослав, даже не взглянув на нее, лишь краем глаза видя, а может, чувствуя жену кожей, за пять-то лет он неплохо изучил «сокровище» рядом. – Ты как себя ведешь? Прекрати позиционировать себя небожительницей, которой плебс вроде меня обязан поклоняться. Мона, ты ничего не сделала

в жизни за целых двадцать семь лет, но презираешь окружающих, это же анекдот, только злой. Абсолютно всем ты готова предъявить претензии, но не себе, а это уже диагноз. Тебе не следует больше встречаться с Майей, это бессмысленно.

Вырвав руку, она, не решившись поднять плач и вой, мол, ты меня терроризируешь, так как на эти уловки он больше не ведется, буркнула:

– Что ты предлагаешь? Уехать? Но должна же я знать, зачем здесь эти машины и полиция? А тебе не хочется знать? Может, тут все без нас разрешилось? Может, ее в тюрьму забирают, я не могу лишиться себя такой радости. Ну, пожалуйста, Ярик, раз уж приехали...

Он покосился на Монику, да с такой безнадежностью в глазах, что чуть не рассмешил ее (еле сдержалась), пришлось опустить крашенные ресницы, чтобы скрыть смешливый взгляд.

– Ладно, – вздохнул он. – Но я последний раз иду у тебя на поводу.

Моника закивала, позволив себе улыбнуться, ведь победителем вышла она, опять она, отчего же не порадоваться? Тем временем Ярослав обошел капот авто, открыл дверцу, она опять улыбнулась, подавая ему руку. Выдрессировала.

С горничной Павел и Феликс разговаривали...

...в большой гостиной, что на первом этаже, правда, для беседы здесь мало комфорта, несмотря на удобные диваны и кресла, в которых утопаешь, как в перине. Доверительная беседа требует соответствующей обстановки, чтобы ничего лишнего не было вокруг, ничто не отвлекало, не мешало, да и само пространство слишком велико. Однако делать нечего, в нижней гостиной не пропустишь вновь прибывших, они обязательно попадут сюда, ведь во дворе их встретить некому. Все из группы полицейских и группы Павла работают в этом огромном замке, иначе исследование растянется на неопределенный срок, а желательно уложиться в один день. Павел с Феликсом уселись на диван, Наталья в кресло на самый краешек. Начал Терехов, как всегда, мягко, спокойно:

– Мы понимаем, вам трудно говорить сейчас...

– Нет-нет, все нормально, я могу, – перебила она.

– Отлично. Вы давно здесь работаете?

– Недавно, месяц... почти.

– А предыдущие работники...

– Их уволила Майя Григорьевна.

– За что?

– Мы ж не спрашивали. А хозяйева, что здесь живут... они с нами не очень разговаривают, мы ведь никто, прислуга.

Уже кое-что! Всего пара предложений – и атмосфера внутренней жизни этого дворца ясна, отсюда и вопросы у Павла мгновенно сформировались:

– Хозяйева? Разве здесь не одна хозяйка? Только хозяин имеет право увольнять, верно?

Наталья замялась, видно, боялась наговорить лишнего, затем пожала плечами, мол, не знаю, что вам ответить, однако информацию дала:

– Ну, хозяйка одна... С недавних пор это ее дом... теперь ее. А родни у бывшего хозяина много. Как я поняла, этот дом они... каждый из них... своим считают, и если по справедливости, они правы.

До сих пор Феликс молча слушал диалог, кадр он ценный, умеет из словесного мусора, характерного как для свидетелей, так и для подозреваемых, выудить важные детали. К тому же он друг, хороший и надежный друг, собственно, благодаря ему, да и ребятам тоже, Павел раскрыл четыре сложных дела. Он неплохо чувствовал Феликса, и когда тот подался корпусом вперед к женщине, наоборот, откинулся на спинку дивана, давая оперу поговорить с ней:

– Значит, Майя Григорьевна обскакала всех хозяев в этом доме и стала его собственницей, я правильно понял? (Наталья утвердительно кивнула.) А как ей это удалось? Она купила этот дом, получила в дар?..

– Наследство досталось.

– М... – одобрительно выпятил Феликс нижнюю губу, качая головой, дескать, повезло. – А кто наследство оставил вашей хозяйке?

– Муж, кто ж еще!

– Подробно расскажите о муже и жене...

– Да я ж ничего не знаю... – Наталья сложила брови домиком, показывая наглядно, что она рада бы помочь, да нечем. – Мы-то совсем недавно здесь стали работать, при нас эти все... родня покойного, да и сама Майя Григорьевна... они не обсуждают семейные дела. Ну, бывало, услышу обрывок фразы и... и все. Так по обрывкам и поняла, что родня покойного недовольна распределением наследства, а еще... Ну, мне так показалось... В общем, считают они Майю Григорьевну виновницей в смерти Николая Леонидовича. Да. Что вы так смотрите? Не верите мне? Так я же и говорю: показалось.

– Да нет, вера тут ни при чем, – потирая подбородок, сказал Феликс. – Но знаете, Наталья, родственники всегда недовольны завещаниями, если приходится делить наследство.

– Ой, и не говорите, – махнула она пухлой ручкой. – Некоторые судятся из-за ложек с вилками, позорище, правда?

– Вы что-нибудь трогали в спальне, когда обнаружили труп? – поинтересовался Павел.

– Не-ет, – протянула она с ужасом, округлив при этом глаза. – Я очень испугалась и стала кричать, прибежал муж... с топором. Потом он вывел меня и в полицию позвонил... то есть сначала нашему участковому, а тот в полицию городскую. Мы знаем, что нельзя ничего трогать, во дворе ждали ваших.

– А сколько детей у...?

Не успел Павел договорить, в самый неподходящий момент, когда возник контакт с горничной, в гостиную вошли двое молодых людей и замерли на пороге с перевернутыми лицами. Симпатичная девушка, осмотрев всех с подозрением, поинтересовалась высокомерным тоном:

– Что здесь происходит? Вы кто? Что здесь делаете?

– Это дочка покойного хозяина, злючка, – шепотом сообщила Наталья и добавила еще тише: – А всего их четверо... в смысле детей.

– Ого, – только и вымолвил Феликс.

В уме сразу завертелся вихрь: а куда делась жена хозяина, она жива или мир праху ее? А если мир праху ее, она своей смертью умерла или случайно кирпич на голову свалился прямо с неба в солнечную погоду? Нет, ну, такие мысли сами появляются, когда видишь взрослую дочь, а наверху молодая жена лежит с искромсанным телом, убитая никак не может быть родной мамой девице с надменным лицом. Но любопытство Феликсу пришлось отложить до лучших времен, так как Павел поднялся и направился к дочери покойного хозяина, доставая удостоверение, на ходу представляясь:

– Следователь Павел Игоревич Терехов, мое удостоверение...

Девушка, скрестив на груди руки, слегка подалась вперед и шею вытянула, она прочла все буквы и знаки препинания до последней точки. А сопровождающий ее молодой человек примерно возраста Павла и Феликса не заинтересовался, что именно в книжечке написано, остался стоять, молча наблюдая за всеми. Наконец девушка подняла на Терехова недоверчивые глаза, затем выпрямилась, но, судя по выражению ее лица, вопросов у нее появилось еще больше:

– А почему следователь и... Что случилось? В чем дело?

– Простите, а вы кто? – Рядом с Павлом вырос Феликс, тоже представился, правда, не удосужился вынуть удостоверение: – Старший оперуполномоченный Вараксин к вашим услугам. Итак, кто вы?

– Допустим, я дочь бывшего хозяина этого дома. Моника, это мое имя.

Ну, разумеется, два мента не в состоянии догадаться, что Моника – имя, а не калоша, так подумал Феликс, беспардонно в упор рассматривая обоих.

– А это мой муж Ярослав, – представила она молодого человека с бесстрастным и красивым лицом. – Я удовлетворила ваше любопытство? А теперь скажите, почему вы здесь?

Ну и штучка, подумалось Феликсу, но сейчас он скажет заветную фразу и посмотрит, как спесь слетит с нее:

– Этой ночью была убита Майя Григорьевна Черных.

Да, немая сцена красноречива без слов, дополнения не нужны.

Вечером по тревоге любимые родственники...

...срочно собрались у Моника и Ярослава в их шикарную двухуровневую квартиру с панорамными стенами. Никогда ранее за ними не наблюдалось такой дисциплинарной явки – в назначенный час прибыли минута в минуту все остатки семейства, надо признать, немаленького. Галина – старшая сестра, Лев родился вторым, с ним приехала на совещание жена Диана, Моника и Ярослав, ну и Андрей – «друг» старшенькой, младшее возлюбленной на добрый десяток лет. Он красавчик, не красивый, а именно красавчик, сладкий, как сироп, всегда идеально одет (за Галкин счет), с манерами князя, который рос в Жмеринке.

Приехали все, кроме младшенького недоумка Гаррика (мнение отца и Галины). Он музыкант, что с него взять, ни дисциплины, ни ответственности, ни мозгов – престижный институт послал к черту, поступил в музучилище, чтобы... бряцать на гитаре! Ничего не скажешь, достойное занятие для члена уважаемой семьи. Надо признать, братья и сестры не слишком привязаны друг к другу, будто кровь в их жилах течет у каждого своя, с особенным оттенком цвета.

Закинув ногу на ногу и повернув их в одну сторону, а корпус в другую – к сидящим на диване и в креслах, Галина вцепилась в резную спинку стула так, будто ее принудили к этой закрученной позе. В сущности, ее тело демонстрировало внутреннее неудобство, дискомфорт, а мимика на лице, меняясь, выдавала то панику, то обычный страх, то потерянности. За тридцать девять лет Галина выходила замуж раз пять, теперь она замуж не выходит, а живет гражданскими браками, проверяет, насколько сильны чувства нового избранника.

Природа в полной мере отдохнула на Галочке: круглая физиономия, узкий лоб, прямые брови, высокие скулы, подпирающие глаза, отчего они кажутся крошечными черными вкраплениями. Рот маленький, губы – две узкие полоски, их почти не видно, приходится рисовать, выходя за границы очертаний. Увеличивать уколами губы Галина не решилась только потому, что у парочки подружек крайне неудачно прошли попытки исправить природу. При всем при том она не лишена сугубо женского обаяния, вкуса, в определенных обстоятельствах и отточенных манер – все это плоды титанической работы над собой. Впрочем, иногда из нее просто прет заурядная баба с застарелыми комплексами и замашками хабалки, а сегодня она растеряна, потому больше слушала, что другие говорят.

– Так, – хлопнул себя по коленям Андрюша, ее очередной внебрачный муж, которого Галина называет ласково Дюшей. – Давайте договоримся, что именно будем хором навешивать на уши следакам.

Он предприимчивый малый, уверенный в себе (иногда так и вовсе самоуверенный), ну а внешне – высокий блондин с физиономией исключительно сладкой. Любитель обвешивать себя цацками – браслеты, перстни, цепочки и подвески, серьги. В его представлении такими выглядят настоящие крутые самцы.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Ярослав, хотя прекрасно понял, о чем речь, ведь Андрюша прямой, как рельса, иносказания не его конек.

– А то, – сказал Дюша. – Договоримся в деталях, что вчера мы все отмечали что-нибудь значимое с вечера до утра. И тогда ни на кого не падет подозрение.

– Подозрение? – вскинулся Лева, не ожидавший, что до этого дойдет. – То есть подозревать будут нас в... в... Да?

* * *

С Галиной они похожи, но если она высокая и довольно стройная, то Лева и с ростом не повезло, да и телом слегка рыхловат, рановато для тридцати семи так дряхлеть. Да и по натуре он не лев, нет, не лев. Скорее, нечто от шакала притаилось в его теле, физиономии и вечно виноватых глазенках, нечто трусливенькое и даже агрессивненькое. Разумеется, все это «добро» почти незаметно, ведь на агрессию нужно затрачиваться, а Лева способен лишь исподтишка нагадить, однако дай ему волю, мало не покажется никому.

Вот только воли никто не давал, папа оставил ему в наследство... должность – не смешно ли, не издевательство ли? Лева, конечно, собственник ресторана, но и сестра собственник, руководит кабаком Галочка, уволить ее он не может, как и она его, если же они будут враждовать, ресторан перейдет в собственность к Монике и Гаррику. Таким образом папа решил сплотить дочь и сына на веки вечные и припечатать их обоюдным имуществом. Оба в ярость пришли от завещания, обоих не устраивала кабала, понятно, что папуля свихнулся на старости лет, да теперь – поди, докажи, когда он в могиле. Тем не менее сплотил-таки! Пару дней оба мучительно пережили, не успокоились и дружно помчались к семейному адвокату, мол, помоги разрулить незаконное завещание.

А прецедента нет! Ну не было у нас подобных вывертов в практике, следовательно, не установлены границы идиотизма в завещании! А что не запрещено и не оговорено законом, то разрешено, при условии – если пункты не представляют угрозу для жизни и здоровья кого бы то ни было.

– Что вы так кипите? – поднял плечи семейный адвокат Глинкин. – У вас есть небольшие предприятия, с голоду не умрете.

– Издеваешься? – взвилась Галина. – Речь идет о наследстве, а не о нашем бизнесе, который мы создали с нуля.

– Но для создания деньги вам дал отец, – напомнил Глинкин.

– Неважно! – огрызнулась Галина. – Это наш бизнес, его отец не делил. Мало того что папуля поделил несправедливо наследство, так еще и идиотские условия вписал в завещание! Которых не должно быть! Потому что так не бывает!

– Если опираться на международное право, то в цивилизованном мире завещают имущество даже собакам и котам! – поднял указательный палец вверх семейный адвокат. – Мы к этому стремимся.

У деток от потрясения челюсть отвисла до самых брендовых туфель, а в Галине через длинную, похожую на предынфарктную паузу проснулась базарная баба, она заорала на адвоката, будто тот виноват:

– Вы что несете? Это не завещание, а дерьмо! Подлог! Что за дебилские пункты?! Такого не может быть! Какая падла его подписала? Данная бумажка не имеет законного права... Вы присутствовали при составлении этой фигни, годной только для сортира?

– Чш... чш... – поднял ладони адвокат Глинкин, усмиряя фурию, а то, чего доброго, драться кинется. – Галочка, зайка моя, я-то тут при чем? При составлении меня не было, ваш отец вручил мне конверт лично и запечатанным, но ознакомить не захотел. Я сам был в шоке, у меня голова вспухла, когда читал его вам, однако почерк принадлежит вашему отцу. И подпись его. Так что, милая, завещание подлинное. И нотариальная печать подлинная, все норм. Может, Николай Леонидович взятку дал заоблачную за юмор в завещании, дал столько, что ни

один нотариус не смог бы отказаться. Кстати, второй экземпляр завещания хранится у нотариуса в сейфе, мы можем поехать и сверить все буквы, а также... как ты говоришь? ...дебильные пункты.

Глинкин неопределенный тип, начиная с облика, который забываешь сразу – стоит отвернуться, и кончая внутренним содержанием – скользкий, как рыба, а мнение меняет, как настроение перезревшая девица. Ему можно дать пятьдесят, а можно тридцать пять, он форматируется в зависимости от ситуации и нужды.

– Это она, – хлопнула себя по лбу Галина и вдруг сникла, едва не плача. – Тварь Майка, она, она. Такое мог придумать только ее изощренный и подлый ум.

– Галочка, – обратился к ней Лев, – а давай ты кондитерской будешь заниматься, а я рестораном...

– Что?! – проснулась в ней халда, она поставила руки в боки, поднялась с места, набычилась. – Ах, какой умный! Ах, как он, говнюк, придумал... в свою пользу. Это я сделала и кондитерскую, и ресторан! Я, а не ты! Ты вообще ноль! Отец и навязал мне тебя, чтобы я тащила твою семейку бездельников и кормила, потому что ты никчемный...

С каждым несправедливым словом сестры Лев втягивал голову в плечи, у него дергались губы, пальцы мяти сумку из мягкой кожи, в конце концов и он огрызнулся:

– Выбирай выражения...

– Стоп! Тихо! – повысил голос Глинкин, взлетев из кресла, затем заходил. – Галина, сядь и молчи! Оба молчите, пока я говорю! Будете собачиться, ничего не добьетесь, нужно в одну дуду петь, а не порознь. Завещание можно попробовать оспорить.

– Как? – в унисон спросили брат и сестра, окрыленные надеждой.

– Не знаю, надо подумать, чтобы не прогадать... – Адвокат на минуту углубился в себя, потом перечислил без энтузиазма: – Допустим, ваш отец был не в себе, когда писал, маразматические признаки наблюдались и раньше...

– Раньше женитьбы на шлюхе Майке, – проткнула пальцем воздух Галина. – Тридцать лет разницы! Разве не застарелый маразм руководил нашим отцом?

– Да кого сейчас удивишь разницей в возрасте, – вздохнул адвокат. – Бизнес, моя дорогая, каждый, включая женщин, строит на том, что он лучше знает или умеет. Майя сделала ставку на себя, а ваш отец ее купил. Все законно, но... и этот аргумент нам пригодится. Или! – Поднял он вверх указательный палец. – Майя опоила его психотропными средствами, потом продиктовала текст завещания, только вот нотариус будет утверждать обратное. С нотариусом покойный был вменяемым... Свидетели нужны, вы меня понимаете?

– Найдем, – заверил Лев.

– Не споткнись при широком шаге, – фыркнула Галина в сторону брата. – А то нас потом с твоими свидетелями надолго засадят на нары.

– Или! – продолжил адвокат, повысив голос, тем самым привлекая внимание не умеющих слушать клиентов. – Обольстив, Майя уговорила переписать завещание в свою пользу, женщины на такие дела мастерицы, отдельные особи умеют подвести мужчину к нужному им решению, а получила она очень приличный куш. Чтобы к ней не цеплялись, она не стала жадничать и просила мужа вам тоже куски подкинуть. Вариантов много. Но любую версию требуется доказать, мне необходимо все обдумать. А вы тем временем готовьтесь к длительным, изнурительным судам, психологически готовьтесь и материально, суды у нас удовольствие дорогое, наверняка в высшие инстанции придется обращаться...

У Галины нашлось еще одно подозрение, родившееся в результате бессонных ночей после оглашения завещания, ведь история отца темная:

– А вам не кажется, что наша так называемая мачеха спровадила папу, как только он написал завещание, на тот свет? Ему всего-то шестьдесят один год был, это не возраст для внезапной смерти.

– Внезапная смерть приходит и к молодым, – вставил Лева. – А папа все же неважно себя чувствовал.

– Еще бы! – прошипела Галина в ответ. – Женился на молодой кобыле, ему хотелось показать, что он еще жеребец, а не загнанная лошадь. Но я о другом. Неужели думаешь, Майка просто провинциальная дурочка? Надеюсь, никто не сомневается, что нет. Значит, могла подсыпать ему что-нибудь провоцирующее обширный инфаркт, сейчас столько средств...

– А вот эту идейку следует обмозговать, – мечтательно прогнусавил Глинкин конкретно Галине. – Инфаркт со смертельным исходом не всегда является естественной причиной смерти. Отличная идейка... Идите, я буду ее думать.

* * *

Прошло-то всего ничего, какая-то неделя после того разговора с адвокатом, и вдруг... бабах! Сегодня утром ненавистную мачеху, оттяпавшую лучшие куски кровной собственности, добытой трудом и потом родного папочки, нашли зверски убитой. Событие из ряда вон, сулившее кучу непредвиденных и тяжелых последствий, что и подтвердил Андрюша со знанием дела, как будто всю жизнь занимался подобными происшествиями:

– Да, в первую очередь будут подозревать всех вас, тут уж никаких сомнений, потому что есть такая штука – мотив называется. Любой тупой следак сначала прокачает тех, кому, по его понятиям, выгодна смерть вашей мачехи, и тут вы все у него разделите первое место, включая жен и мужей.

– Мачеха, пф! – фыркнула Галина. – О чем ты, Дюша? Мачеха считается заменой матери. Хм! Эта замена младше меня на девять лет.

– Была, дорогая, была, – вздохнул Лева прискорбно, но тихо.

– Выгодна смерть? – задумалась Диана, жена Левы, от напряжения нахмутив гладкий лобик. – А кому достанется имущество Майи?

Вот она – пауза! Красноречивая, тяжелая, гнетущая, наполненная одной общей мыслью: неужели наше добро перейдет к жалким родственникам папиной жены?! И даже отчаянная растерянность ощущалась в паузе физически каждым участником экстренного совещания.

Молодец Диана, правильный вопрос подняла. Она классический типаж модели, однако моделью никогда не была, но одно время стремилась на подиум. Рост, стройность, напоминающая о хроническом недоедании, лицо – подобные черты встречаются в рекламе одежды и причесок, а потому не запоминаются, хотя после знакомства с ней остается четкое осознание, что она красива. К данному портрету остается прибавить шикарные прямые волосы цвета платины до лопаток, серые глаза и всегда ярко-красный рот... м-да, хороша, если, конечно, данный типаж восхищает. Сейчас Диана просто бездельница (по словам Галины), но она жена мужа и мать годовалого малыша и считает это своей работой. Хоть в данном пункте – семейном – Лева отыгрался и гордо вышагивает рядом с каланчой женой, выше его на голову, а на каблуках так и вовсе рядом с ней он пигмей.

Но пауза... Ярослав останавливал взгляд на каждом родственнике и догадался по озабоченности на физиономиях, о чем они думают. Загородная трехуровневая домина с частью лесного массива и береговой зоной, квартира в городе в элитном районе всего «каких-то двести квадратов – развернуться негде», как шутила убитая жена тестя, пара магазинов – отданы ей. А коллекция драгоценностей? О них в завещании ничего не сказано, значит, жена тестя просто-напросто прикарманила побрякушки.

– Чтобы понять всем нам причины случившегося, – заговорил Ярослав, – нужно отыскать истоки. Галина, ты старше братьев и сестры, должна знать... Скажи, откуда у вас столько денег?

– Тебя волнуют чужие деньги? – отбрила она в свойственной ей высокомерной манере.

– Меня волнует в данной ситуации их происхождение, – жестко парировал всегда вежливый Ярослав. – Тебя это удивляет? А ведь Андрей прав, мы теперь все подозреваемые, и я не могу сказать, что мне это нравится. А тебе?

Какой там нравится, кому! Новая пауза обнажила, что мысль, которую озвучил Ярослав, отравляла каждого члена семейства, но, произнесенная вслух, она возымела эффект дубины, упавшей на голову. Даже беспечная Моника заметно приуныла, украдкой поглядывала на гостей, дескать, успокойте меня, а то мне непривычно некомфортно. Неизвестно, сколько длилась бы пауза, если бы не Лева:

– Почему ты думаешь, что проблема в деньгах отца?

– Я пока просто рассуждаю, – ответил Ярослав. – Кто такая Майя? Никто. Родом из глухомани, массажистка...

– Медсестра, – поправил Лева.

Ярослав не обратил внимания на реплику, продолжил:

– ...поймала Николая Леонидовича, окрутила, женила его на себе, и вдруг ее зверски убивают.

– До этого папа внезапно умер, – напомнил многозначительно Лев, подняв указательный палец вверх.

– Больше семи месяцев назад, – согласился Ярослав. – Но! Месяц спустя после оглашения завещания она убита, это наводит на нехорошие мысли.

– Ой, хватит, хватит, – замахала руками Галина.

– О, дорогая, теперь нам придется только об этом думать, – заверил он. – Следователи обязательно заинтересуются, откуда деньги, ведь отец ваш всего лишь преподаватель института, доцент. В какой-то момент внезапно разбогател, у него появились магазины, ресторан, компания... А хотите честно?

Опасливо кивнула Галина, видимо, боясь услышать нечто досадное в дополнение к убийству, замерла Моника, глядя на мужа с интересом, а Лев всего-то скосил глаза на него и напрягся.

– Ваш отец ничего не понимал в бизнесе, – огорошил их Ярослав. – Абсолютно ничего, я ведь семь лет работал на него, видел, как ему скучно, тоскливо, неинтересно, потому что ни знаний в этой сфере, ни способностей он не имел. Когда я пришел к нему, вся нагрузка легла на мои плечи, он только ставил свои подписи под документами, а до меня? Как вы объясните его успехи в бизнесе?

– Но позволь... – растерялась Галина, ее тон стал умеренным, видимо, она тоже не раз замечала промахи отца. – Как такое возможно? Папа создал целую империю, ему завидовали, это нереально сделать без знаний и способностей.

– Сам удивляюсь, – пожал плечами Ярослав. – Но факт есть факт. Поэтому я и спрашиваю вас: что вам известно о происхождении денег?

Наступила очередная пауза, означавшая: ничего неизвестно. Ярослав почесал свою макушку, раз никто не ответил на главный вопрос, то откуда у него ответы? Зато активизировался Лева, надо сказать, мысль он высказал логичную:

– А как увязываются деньги отца и убийство Майки? Она-то с какого бока вписалась, если дело в папе? Деньги появились у отца задолго до нее.

М-да, на поступившие вопросы тоже никто не смог ответить, однако Ярослав попытался:

– В вашей семье много непонятного...

– Например? – насторожилась Галина.

– Ай, давай уже без примеров, – раздраженно произнесла Моника. – Поздно, спать хочется, да и мозги кипят от всего.

– Действительно, пора, мы ничего не высидим, – поднимаясь со стула, пробормотала старшая сестра, но тут же обратилась к Ярославу: – И все же, что ты имел в виду? Можно коротко, намеком.

Ярослав тоже встал на ноги, глядя ей в глаза, сказал:

– Думаю, Галя, ты без меня знаешь темные пятна своей семьи. Скажу только... если проблема другая, не деньги вашего отца, за которыми пришел убийца, это еще хуже. Значит, кто-то из нас убил Майю, но тут я пас, даже не предполагаю мотива.

* * *

После ухода родственников Ярослав расслабился, допил свой коньяк, хотя он не приверженец выпивки и никогда не допивает, упал на спинку кресла и вытянул вперед ноги. Положив руку на сердце не любил он родственников жены, напоминавших стервятников, готовых заклевать насмерть, разве что к Гаррику относился терпимо просто потому, что тот проще. Обычно Ярославу хватало с головой часа общения с родней, а тут они проторчали целых пять! Так и крышу снести может, он безумно устал. Не получив вразумительных объяснений на вполне законные вопросы, ответы на которые они наверняка знают, пристал к Монике, когда та собирала со столиков чашки, рюмки, тарелки:

– Твоя семейка выглядит глупо, изображая кичливых магнатов.

– Не завидуй, – неудачно пошутила она.

– Не о том говоришь, – нахмурился муж. Если придраться, Мона оскорбила его, однако ссоры ему не нужны хотя бы сегодня. – Я хочу знать, откуда взялось столько денег в вашей семье. Но выходит, и вы до сих пор не знаете об их происхождении ничего или... скажи честно, скрываете?

– Не понимаю, а что это сейчас изменит? – раздраженно бросила Моника, плюхнувшись в кресло напротив мужа. – Какая разница, ну, какая? Есть и есть, согласись, лучше быть богатым, чем бедным.

– Не соглашусь.

– Ха-ха... это глупо. Любой человек хочет много...

Он знал, что она скажет, поэтому перебил бесстрастно:

– А я нет. Для меня деньги – это возможность что-то создать и результат созданного мною продукта. Мне важно знать про все, что окружает меня, это естественное желание, в нем забота о личной безопасности моей и семьи. А я ничего не понимаю. И вот результат: в вашем недружном семействе убийство.

– Ты что, испугался? Боже мой... ты, оказывается, слабак. Я о тебе была лучшего мнения.

Моника демонстративно расхохоталась, запрокинув голову назад, хотя ничего смешного в требовании мужа не было. А вот подобный смех рождает болезненное восприятие, он унижает, за ним читается неуважение, которое немыслимо в совместной жизни. Однако Ярослав отреагировал вяло, потому что разочарование нужно еще и осознать:

– Типичный прием манипулятора с примитивным расчетом, чтобы мишень начала оправдываться.

– Манипуляции? Это ты про меня? – веселилась не по делу Моника. – Значит, я умniejsкая девочка.

Наверняка она поняла, что Ярослав заводится, видя непробиваемость жены, нежелание вникнуть в проблемы, инфантилизм и еще всяческие – измы, в которых легко заблудиться. Откуда они взялись, ведь Мона не была такой? Последнее время он все чаще видит ее в качестве провокатора, она сама не своя, если не выведет его хотя бы раз в пару дней издевками, насмешками, дурацкими придириками. По всей видимости, она решила загнать его под каблук, и Ярослав, рассматривая ее в упор с этой точки зрения, сделал вслух открытие:

– Мона, тебя пора лечить.

– В смысле?

– Либо ты прекращаешь свои приемы манипулятора, прекращаешь лезть в мои дела, хамить, капризами изводить, словно тебе семь лет, либо...

– Что либо, что? – усмехнулась Мона и закатила глаза к потолку, мол, как жалки твои угрозы.

Вот теперь он принял окончательное решение, зревшее в течение последних месяцев, и перешел на спокойно-холодную тональность:

– Я не собираюсь тратить свою жизнь на скандалы.

– Серьезно? – не поверила Моника, улыбаясь. – Ой как страшно.

– В таком случае мы расстанемся. Ты меня услышала?

– В таком случае тебе придется уйти из компании, ты потеряешь все: работу, деньги, жилье, все это мое. Надеюсь, ты помнишь, что пришел ко мне в одной рубашке и носках...

– Вот так прямо в рубашке и носках, без брюк?

– В джинсах. – И здесь она по-своему уточнила: – Думаю, ты помнишь и то, что являешься наемным работником, а наняла тебя я. Ты останешься ни с чем, если решишь расстаться.

Моника ударила мужа по самому больному, ударила несправедливо, бестактно, ведь именно Ярослав все годы что при отце, что без него держал компанию на достойном уровне. Его уважали все – от уборщиц до городских властей, кроме жены, да, она его наняла, но работал-то он вместо нее.

– Неужели ты думаешь, что я из-за... – Ярослав сделал паузу, чтобы смысл следующих слов дошел до самого гипофиза жены. – Ты дура.

– Я ду... Я?... – задохнулась негодованием Моника.

– Ты, ты, – подтвердил он интонацией уставшего человека. – Причем набитая дура, невоспитанная и неблагодарная. Я ошибся в тебе. Что ж, ошибки исправлять никогда не поздно. Все, Мона, довольно. Если ты не хочешь меня слушать, не хочешь рожать, а хочешь жить для себя, если считаешь, что я приложение к твоей божественной персоне и твой слуга, то у меня противоположное мнение. И поскольку ты упорно не желаешь считаться со мной, живи без меня. Руководи сама своей компанией как умеешь, а я больше не хочу слушать твои безапелляционные и глупые указивки, не хочу позориться, когда ты открываешь рот и несешь бред. Все, ты меня достала, я ухожу окончательно.

– Ну и уходи! Уходи, уходи...

И ушел. Нет, она до последнего не верила, что Ярик уйдет навсегда, этого быть не может, он столько раз уходил и утром возвращался – не сосчитать. Поэтому она, немножко погрузив, легла спать, а утром нарисовала лицо, причесалась, приготовила примитивный завтрак, сварила кофе и ждала... Ждала, пока не позвонили, это был помощник мужа Виталий:

– Моника Николаевна, извините за беспокойство, но Ярослав Сергеевич не отвечает на наши звонки.

– Что значит – не отвечает?

– Он не приехал на работу, я звонил, не берет трубку...

– А я что могу сделать? – вырвалось нечаянно.

Мона продала себя с потрохами: получается, она понятия не имеет, где шляется законный супруг! Это так стыдно, так унижительно.

– Вот я и звоню узнать: что нам делать? Вы же у нас главная? – Тем временем продолжал помощник Виталий. – У нас в двенадцать важная встреча с новым инвестором, а во второй половине дня с новым заказчиком, тяжелый и ответственный день. Как быть?

– Я сейчас приеду, – решительно сказала она.

Ярик надумал проучить ее? Нет, это Моника проучит его, она прекрасно справится с поставленной задачей на сегодняшний день и поставит его на место. Один нюанс: все это эмо-

ции избалованной девчонки, не знающей трудностей, она понятия не имела, где место мужа, а также ее собственное, но звучит классно.

Каково же было торжество, когда на подземной парковке Мона обнаружила машину Ярослава, значит, он приехал домой, просто боится зайти, не хочет уронить себя в ее глазах. Возможно, муж сейчас прячется за автомобилями, как воришка, она не стала звать его, пусть прячется, пусть помучается. Улыбаясь, Моника села за руль и газанула прочь, настроение поднялось до заоблачных высот от ощущения, что все останется как было.

Тамара отказалась участвовать...

... в пробежках, ей хватает активного движения на работе, как-никак балерин дрессирует в оперном театре. При всем при том она составила Павлу компанию, только теперь ходит быстрым шагом, дескать, это полезней. Он не спорил, не любит спорить, уговаривать, настаивать, у каждого человека есть священное право выбора. Но вот Павел, сделав пару кругов по парку, вернулся в исходную точку, Тамара делала, кажется, китайскую гимнастику.

– Ммм, красиво, – одобрил он плавные движения.

– И мне нравится, – проговорила она, завершая гимнастику манипуляциями руками. – Очень полезно для здоровья.

– У тебя проблемы со здоровьем?

Тамара взглянула на него и рассмеялась, так как озабоченность на лице Павла, человека, умеющего управлять своими эмоциями, выглядела комично. Но приятно, это говорит о том, что она не пустое место в его жизни, однако пора было и успокоить Терехова:

– У меня отличное здоровье, просто цигун дает массу энергии, улучшает тонус, выносливость увеличивается, неприятности легче переживаются. Ой, а где Грета? Грета!.. Это не собака, а сплошное недоразумение.

– Идем, она догонит нас.

Тамара подхватила ремешок сумки, повесила на плечо и, озираясь в поисках Греты, пошла рядом с Павлом, посматривающим на часы. Он спешит на работу, тут она вспомнила:

– Кстати, а что произошло в Орехове? Вчера ждала тебя с ужином, раздраемая любопытством, все же там медвежий угол, а столько машин понаехало, будто на грандиозное совещание.

– Извини, – стушевался Павел, – вчера очень поздно закончили, решил, ты спишь, не хотел тебя тревожить.

Не думал, что в его обязанность уже входит возвращаться после работы к Тамаре, вроде так не договаривались, они вообще ни о чем не договаривались. Ему с ней хорошо, ей с ним, он надеется, тоже, но связывать себя накрепко друг с другом – зачем? Жизнь переменчива, им не по двадцать лет, свободные отношения без привыкания и жестких рамок Павлу больше нравятся, надо бы как-то откорректировать попытки Тамары надеть на него и себя один ошейник.

Она далеко не глупа, уловила в неоднозначной задумчивости и резкой перемене Павла нехороший для себя симптом и немножко сникла. Объяснять ничего не нужно, мы иногда кожей считываем все, что не сказано вслух, ей осталось только успокоить:

– Я так и поняла, что не хотел тревожить. Так что там?

– Хм, медвежий, говоришь? – вздохнул он. – Однако уголок большой... четыре каскадных этажа. Убийство – что еще могло произойти? В данном случае говорят – зверское убийство. Молодую и красивую женщину банально зарезали в спальне, ножевых ранений на теле... точно не могу сказать, подсчитает эксперт, но много. Думаю, больше десяти.

– Ого, – вяло отреагировала Тамара.

Ей сложно представить десять ножевых ран на теле молодой женщины, сложно представить того, кто нанес их, это как плохонький фильм: посмотрел и пересматривать никогда не захочешь. А потому она с легкостью переключилась на поиски собаки, затерявшейся в парке:

– Грета!.. Грета, ко мне!.. Я тебя накажу!

– Она не любит команду «ко мне», тебе как хозяйке следует запомнить это. Смотри, как я выдрессировал ее. Грета, пир! Грета, банкет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.